

«ДЕЯНИЯ ЛЕНИНА —

ЭПОХА, И НАМ
ЗАВЕЩАНА ОНА...»Встреча литераторов
и искусствоведов, деятелей
культуры в Ташкенте

стр. 2

■ СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ
И СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА
ПОЛЕМИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ

стр. 4

■ НАУЧНАЯ
ФАНТАСТИКАСегодня выступают
писателиА. и Б. Стругацкие,
литературовед

Е. Тамарченко

стр. 5

■ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Мнение писателей:
Михаил Шкляр —
о рабочей теме,
Леонид Зорин —
о судьбе КВН

стр. 8

■ ОТКРЫТИЯ
СЕМИДЕСЯТЫХ
ГОДОВТРИУМФАЛЬНЫЙ
«ТОКАМАК»
важный шаг на пути
к термоядерной
энергетике

стр. 11

■ ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛГ»
Вы отправили письмо —
когда его получит
адресат?

стр. 12

■ ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Право и долг адвоката
Судебный очерк
Фазила Искандера

стр. 13

■ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Профессор Полтораки:

Несколько вопросов

г-ну Шоукроссу

Американский репортаж:

Кто стоит за спящим убийцей?

В гостях у Ремарка

стр. 14-15

ЕСЛИ МЫ ПОДРУЖИЛИСЬ В МОСКВЕ...

Университету дружбы народов имени Патриса Лумумбы — 10 лет

О И ЕЩЕ очень молод —
Университет дружбы
народов имени Патриса
Лумумбы: 5 февраля ему
исполнится десять лет.Всего десять лет! Нет,
уже десять лет: десять лет
работы, десять лет опыта. Ин-
женеры и агрономы, врачи и
юристы, экономисты и фило-
логи — выпускники универ-
ситета работают сейчас во
многих странах Азии, Афри-
ки и Латинской Америки.
Из уже более двух тысяч, а
сейчас в лабораториях и на
кафедрах занимаются свыше
четыре тысячи посланцевДвадцать лет — это беско-
нечный список статей и мо-
нографий питомцев универ-
ситета, это список городов,
колхозов и совхозов, список
институтов и заводов, где
проходили практику питомцы
университета. Все они —
из Москвы и Алжира, из
Мехико и Катманду, из Пе-
кинграда и Дели — разного
цвета кожи, разного темпе-
рамента, разных привычек.
Но не связывает вечное и
необоротное стремление к
миру, желание сделать нашу
планету планетой прогресса
и счастья...В этом году «двуязычные»
жизни получают еще 570 юно-
шей и девушек — нынешних
выпускников.На снимке: студенты перво-
го курса строительного фа-
культета Свасало Максим
(Руанда), Дамбела Махаму
(Берг Слоновой Кости), Васи-
лий Федорович (Советский
Союз).

Фото Е. УМНОВА

ОТВЕТ
ПО СУЩЕСТВУВ конце минувшего года
по просьбе редакции Пиль
Липатов выехал в Смо-
ленск, где ознакомился с
работой комсомольских и
пионерских организаций об-ласти по шефству над инва-
лидами Великой Отечес-
твенной войны.В своей статье «Святое
дело» писатель рассказал о
благородном опыте смолен-
ских инвалидов («ЛП»,
№ 51, 1969). Вместе с тем
он писал о встречающихся
еще фактах равнодушного
отношения к ветеранам.Видя Липатов в своей
статье обратился с рядом
вопросов к руководителям
отдельных ведомств и ор-
ганизаций.Почему не выполнен при-
каз министра торговли
СССР товарища Струва?
До сих пор ни в одном ма-
газине Смоленска нет таб-
личек, разрешающих инва-
лидам войны получать то-
вары без очереди.Государство и профсою-
зы выделяют для ветеранов
большое количество путе-
вок в санатории и дома от-
дыха. Бывает, что эти пу-
тевки попадают не по на-
значению. Какие меры при-
нимает отдел ВЦСПС по
государственному социаль-ному страхованию, чтобы
устранить этот недостаток?
Министерство речного
флота РСФСР ввело 50-
процентную скидку со стои-
мости билетов для инвали-
дов с 1 октября по 15 мая.
В министерстве, видимо, за-
были, что с 1 октября по
началу мая реки в России
несудоходны, и поэтому
льготой никто воспользо-
ваться не сможет.Первым на критические
замечания писателя Липа-
това ответил Министр
речного флотаРСФСР. Заместитель Ми-
нистра А. Видецкий сооб-
щает:— Министрство рече-
ного флота РСФСР увеличило
срок действия 50-процент-
ной скидки с тарифов, пре-
доставляемой инвалидам
всех категорий при проезд-
е на судах трамвайных и ме-
стных линий. Ветераны мо-
гут теперь пользоваться
льготами с открытия нави-
гации до 10 июня и с
1 сентября до закрытия на-
вигации.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА»

В

ПРАГЕ

С этого номера мы открываем
рубрику, под которой
будем коротко сообщать о по-
пулярных книжках, выходящих в со-
ветских книжных издательст-СИГНАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР— Бывший командир сапер-
ного батальона, фронтовик
Николай Грибачев, — сказал
нашему корреспонденту глав-
ный редактор художествен-
ной литературы Воениз-
дата С. Борзунов, — пи-
шет о великом и пережитом
в годы Великой Отечес-
твенной войны. Его рассказы и
маленькие повести, вошед-
шие в сборник, глубоко ли-
ричны, насыщены интересны-
ми событиями. Сборник
«Здравствуй, комбат!» вос-«Материалы. — пишет «Ру-
де право», — открываются
интервью Первого секретаря
ЦК КПЧ Л. Гусака, отве-
чающего на актуальные
вопросы «ЛП». Г. Гусак ка-
сается в нем различных про-
блем новейшей истории ЧССР
и сегодняшнего дня, говорит
об успехах и недостатках в
строительстве социализма,
оценивает значение осеннего
визита партийно-государ-
ственной делегации ЧССР в
Советский Союз. Газета от-
мечает далее, что наряду с
общими статьями «ЛП» на-
печатала также стихи
Л. Новомоского и серию фо-
тографий.«На другие вопросы, — под-
черкивает далее «Руде право»,
— касающиеся развития че-
хословацкой экономики, эко-
номической реформы и за-
дач, стоящих перед чехословацким
народным хозяйством, отве-
чает заместитель Председа-
теля правительства ЧССР и ми-
нистр планирования В. Гула.
О проблематике деревни, со-
циалистических переменах в
сельском хозяйстве и о бли-
жайших задачах в этой обла-
сти рассказывается в третьей
беседе «ЛП»: в интервью с
членом ЦК КПЧ и руково-
дителем отдела ЦК КПЧ
Я. Гавелкой. О проблемах и
задачах на культурном фрон-
те пишут чешский и сло-
вацкий министры культуры».производит не только тру-
дное и героическое прошлое
военных лет. Это также раз-
думья о сегодняшнем дне,
о судьбах людей, с которыми
жизнь постоянно сталкивает
писателя...В связи с выходом своей
новой книги Николай Гриб-
ачев отметил, что события, о
которых идет речь в расска-
зах и маленьких повестях, ок-
наются довольно широкий
период (гражданская война,Великая Отечественная война,
послевоенные годы).— Рассказы, вошедшие в
сборник, в чем-то биографи-
чны, — сказал писатель. — В
некоторых из них соотранены
подлинные фамилии людей,
которые и узнал на войне.
Многие из бывших моих со-
служивцев, ставших впослед-
ствии моими героями, ныне
живы-здоровы, полны сил и
трудолюбия. Я надеюсь, что моя
книга попадет и к ним...

ПРАГА (Наш корр.)

...РАБОТЕ ШТАБА
«УСТНОГО
ФРОНТА»НАМ
РАССКАЗАЛИ
О...В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЕ СОЮ-
ЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР 2 ФЕВ-
РАЛЯ ОТКРЫЛСЯ ПЛЕНУМ
СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОГО БЮРО
ПРОПАГАНДЫ ХУДОЖЕСТ-
ВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. КОР-
РЕСПОНДЕНТ «ЛП» ОБРАТИЛ-
СЯ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕ-
ТА ПОЭТУ ЛЬВУ ОШАНИНУ
С ПРОСЬБОЙ РАССКАЗАТЬ О
РАБОТЕ И ЦЕЛЯХ ПЛЕНУМА.— Еще полтора года назад
— 2 июля 1968 года был со-
зван совет Всесоюзного бю-
ро пропаганды художествен-
ной литературы — так ска-
зать, главный штаб «устного
фронта», где каждый совет-
ский писатель — боец, и ору-
жие его — живое слово, об-
ращенное к читателю. Ведь
поэтому печатное слово —
газета, и журнал, —
улыбку поэта живого
читателя наш видят.И встречным теплом
обогрето
звучащее слово поэта.Минувший пленум — это
прежде всего итог большой
работы, проделанной бюро
пропаганды. Судить сами:
только в прошлом году со-
стоялось более ста тысяч пи-
сательских выступлений во
всех уголках нашей страны.
Здесь и поэзия литераторов
по ленинским местам Си-
бири, и встречи с ивановски-
ми ткачами, и Третий Пуш-
кинский праздник поэзии, и
читательские конферен-
ции по книгам, посвященным
ленинскому теме, — всего
просто не перечислить...Год семидесятый — год
юбилейный. Поэтому широ-
кая пропаганда тезисов ЦК
КПСС «К 100-летию со днярождения Владимира Ильича
Ленина», пропаганда лучших
произведений нашей лите-
ратуры о вожде революции —
главная задача советских пи-
сателей. Об этом говорили на
пленуме Лидия Фомкина, се-
кретарь правления Москов-
ской писательской организа-
ции.Если еще недавно бюро
пропаганды существовало
лишь в Москве и на Украине,
то теперь они действуют по-
чти во всех союзных респуб-
ликах, во многих городах Рос-
сийской Федерации.Большой разговор шел на
пленуме о наших завтрашних
делах.К 100-летию со дня рожде-
ния В. И. Ленина писательские
бригады выедут в Москву и
Ленинград, в Ульяновск и Ка-
зань, в Шушенское и Сера-
тов — для участия в третьем,
заключительном этапе Лени-
нского фестиваля литературы
и искусства в Колонном зале
Домов союзов открылся Не-
деля детской книги, посвя-
щенная юбилею великого
вождя. К 25-летию со дня
победы над фашистской Гер-
манией готовятся писатели —
участники Великой Отечес-
твенной войны и авторы про-
изведений о Советской Ар-
мии. 7 июня в Михайловском
состоится Четвертый все-
союзный Пушкинский праздни-
к поэзии, в мае — «Весна поэзии»
в Литве, в декабре — празд-
ник поэзии в Тамбове и
Томске...Как видите, дел много, и
дел важных...

...РОЖДЕНИИ ТРАДИЦИИ

СОРОК ЛЕТ НАЗАД В ПИМЕ-
НСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСК-
ВЕ БЫЛ ОТКРЫТ ПЕРВЫЙ В
СТРАНЕ КЛУБ МАСТЕРОВ
ИСКУССТВ — ПРОТОТИП СЕГО-
ДНЯШНИХ ЦДЛ. ДИРИЖЕРОМ
И ДИРЕКТОРОМ ЦДЛ
В. М. ФИЛИППОВ РАССКАЗЫ-
ВАЕТ:— Клуб мастеров искусств,
первым директором которого
был 40 лет назад, мы «стро-
или» не по признакам чело-
веческой принадлежности. Факти-
чески он сразу стал местом
общения людей самых различ-
ных творческих профессий.
Блистательные карикатуристы
М. Чернышев, К. Ротов,
К. Елисеев, Ф. Решетников и
июня тогда еще «тройка»
Кукрыникова соревновались в
создании панно на литератур-
ные и театральные «забавы»
дня. Поэты Александр Ар-
хангельский и Эммануил Кро-
ткий комментировали эти па-
но на эстраде.Частыми и желанными гос-
тями у нас в те годы были
В. Маяковский, Д. Бедный,
М. Кольцов, В. Вишневский,
И. Мясковский.В. Лебедев-Кумач, А. Афино-
генов, А. Толстой и многие
другие крупные литераторы.Периодом подлинного рас-
цвета клуба стало горячее по-
ра индустриализации страны,
коллективизации деревни,
удачного движения.Именно тогда клубом было
начато серьезная научно-ис-
следовательская работа, в которой
приняли участие не только
писатели, артисты, художники,
но и видные деятели пер-
ты.Именно в те годы было по-
ложено начало постоянному
общению писателей и работ-
ников искусства с рабочи-
ми, колхозниками, техниче-
ской интеллигенцией.И нужно отметить, что эта
традиция была как эстафета
передаваемая первым клубом ма-
стеров искусств «потомков»
наследиям в последствии от него
творческим домом. Эту тра-
дицию они достойно продол-
жают и сегодня, сорок лет
спустя.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении писателя Ковычки А. И.
орденом «Знак Почета»За заслуги в области советской литературы и в связи с
семидесятилетием со дня рождения наградить писателя
Ковычки Александра Ивановича орденом «Знак Почета».Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙСекретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 30 января 1970 г.

СОЮЗ БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР

В Москву возвратилась де-
легация советских писателей
в составе секретаря правле-
ния Союза писателей СССР
С. Михалкова и ответственно-
го секретаря Института интер-
национального сотрудничества
С. В. Котина, выехавшая в Народную Рес-
публику Болгарию для под-
писания плана культурного
сотрудничества между Союзом
писателей СССР и Союзом
болгарских писателей на
1970 год.Мы публикуем сообщение
руководителя делегации С. Ми-
халкова об этой поездке.Приехав в 1970 году обши-
рные двусторонние контак-
ты: обмен делегациями, твор-
ческие командировки пи-
сателей, критиков, драматур-
гов и переводчиков, участие
в литературных декадах,
теоретических конференциях
и так далее.Творческая и деловая дру-
жба двух братских литератур
на протяжении многих лет
уже дала свои заметные ре-
зультаты. Переводы лучших
произведений болгарских и
советских писателей полу-
ются неизменным спросом у
читателей обеих стран. Не-
давно прошедший на сценах
советских театров смотр
болгарских пьес привлек к
себе внимание зрителей итеатральной общественности,
отметившей успех болгар-
ской драматургии. Автору
этих строк довелось весной
прошлого года участвовать в
проведении Недели детской
книжки в Болгарии, выступать
перед детьми во многих бо-
гарских городах и селах. Де-
монстрацией искренних дру-
жеских чувств между двумя
народами звучала стихи со-
ветских поэтов в исполнении
болгарских школьников-пи-
онеров.Подчеркивая значение пла-
на сотрудничества между дву-
мя творческими союзами, по-
дписанного в канун 100-летия
со дня рождения В. И. Ле-
нина, председатель Союза
болгарских писателей ГеоргийДжигаров в своем выступле-
нии отметил значительную
роль советской литературы в
современном болгарском
литературном процессе и ее значение в раз-
витии литературы социали-
стической Болгарии. Он вы-
сказал уверенность в полном
единодушии болгарских и
советских писателей, а
общности их целей и борьбы
за идеологическом фронте за
победу идей социализма.Мы уверены в том, что на-
стоящий план культурного со-
трудничества на 1970 год —
год празднования 100-летия
со дня рождения В. И. Ле-
нина и 25-летия разгрома на-
цистской Германии, — будет
выполнен нами полностью.

Сергей МИХАЛКОВ

DAILY
WORLDЭммануил Льюис Вандо роди-
лся и провела детство и
юность в семье писателя.
Лучшая изюбка Пуэр-
то-Рико (где Эммануил Лью-
ис Вандо родился в Сан-
Хуане) отказывалась опе-
рировать девочку, считая,
что это не поможет. За-
явивший по таким операциям,
не отказываясь, не заявил,
что операция будет стоить
12 000 долларов. Цена бы-
ла непосильной. Но вот о ее
болезни стало известно в
СССР.Девочку пригласили при-
ехать в Советский Союз
для операции. А сколько
это будет стоить? Бесплат-
но!

стр. 9

Уважаемые товарищи!
Хочу порадовать писате-
льскую газету — скоро будет
спущен на воду теплоход
«Александр Вершинин». О
фестивальном комиссаре, од-
ном из первых советских дра-матургов «ЛГ» писала в од-
ном из прошлых номеров
«ЛГ»...
С каждым годом пополня-
ется «писательская флотия».
Бородатый моря и океаны
лагуны «Александр Пуш-ки», «Иван Франко», «Шота
Руставели», «Тарас Шевче-
нок». Они знакомят людей раз-
ных континентов с именами
наших континентов писателей.
А. СЛАВУТИНСКИЙ
МОСКВАПРОДОЛЖЕНИЕ
ПИСЬМАКороткий рассказ нашего
читателя А. Славутинского о
«писательской флотии»
продолжим в Министерстве
морского флота СССР.— «Писательские корабли»,
— сказал нашему кор-
респонденту, — помимо своего
прямого назначения, выпол-
няют одну несложную, но
важную функцию. Это свое-
го рода литературные му-
зеи, где все — и выставки, и
библиотеки — посвящено пи-
сательству, именам которого на-
зван корабль. Сотни откликов,
которые мы получаем от пас-
сажиров-инициаторов, говорят
о том, что именно здесь они
открывают для себя нашу
страну, наших писателей.На каждом таком корабле
уже складываются свои тра-диции. Вот, например, на
«Александр Пушкин» при-
нято выбирать среди тури-
стов имени Пушкина. Приче-
м становится он не самым на-
стоящим, а самым прославен-
ным человеком, лучше всех
знающим творчество поэта...Счастливо несет имена пи-
сателей грузовой суд —
«Николай Ваврушин»,
«Дмитрий Гудков» и другие.

ЕСТЬ определенная настолько очевидная, что их просто неудобно повторять. Например: драматургия отстает от жизни. И все же приходится подтверждать — драматургия действительно отстает, отстает даже от самой себя, от собственных традиций.

Одной из основных причин такого положения, на мой взгляд, является своеобразный кризис методологии, самого подхода к изображению существующих процессов действительности. Вчера еще казалось, что строить драму в «традиционной» манере невозможно и бессмысленно. Но обывательские формы — процесс естественный, однако исторически весьма долговременный, сложный и тонкий, — велось нередко механически, скоропалительно. Не задумываясь над тем, что форма драмы меняется под влиянием сложных социально-общественных коллизий, что только характером эпохи были подсказаны в античные времена хор, рапсоды, дуэты, аркадные строение средневековых мистерий, равномерное членение буржуазных пьес, драматический экспрессионизм драмы, монументальность революционной эпохи, некоторые писатели вели искусственные поиски в области драматургической формы. С другой стороны, и механический возврат к форме, новаторски воспринятый содержанием иной эпохи, не мог принести успеха.

Существует известная эстетическая аксиома: художественная форма — это то, что соединяет в себе, хотя бы в малой степени, то содержание, из которого она «происходит». И действительно, стремление писать «под Чекова», проявившееся с первых послевоенных лет, нанесло немалый ущерб эстетическому освоению действительности. Мало того, что в столкновении с задачами ритмичности тапел эпохи чеховская задушевность вдруг оборачивалась камерной ограниченностью, а сердечная теплотность выглядела дряблостью сентиментальности. В пьесах подражательных, мимикоподражательных, нежелая для самих авторов пачкаться звучать, мотивы «эстетства», противопоставления провинции столице, неустойчивости рядового человека, тоски по несбыточному мечтам, идея «малых дел» и «культуры».

Эти тенденции зачинались где-то в пьесе «За Каменной рекой» В. Тихонова и далеко не окончились в наши дни. С ними появилась тема «маленького человека», тихая скорбь о нем, о маленьком человеке, который живет и в наше время. Неустойчивость, близкие к сегодняшнему дню, пришли мотивы абстрактного, внеэпохального, внеклассового гуманизма, но сентиментальность маленького, доброго-предоброго, как оказывается, единственно доброго человека стала претендовать чуть ли не на главное место в театре и кино.

И зашагали по сцене и экрану персонажи милые-примилые, добрые-предобрые, тихие-пре тихие, нравственные-пре нравственные... Нет слов, проблема нравственности — чрезвычайно важная. Подлинное искусство всегда было этическим, не морализирующим, не правоучительным, но правоучительным, посвящая душу и душевные движения, которые имеют в конечном счете нравственный смысл.

ВХОЖДЕНИЕ драматургии в круг нравственных проблем — явление закономерное, особенно ценное на крупных исторических переломах. В этом смысле твор-

ЕЩЕ О «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОМ»

Марк ЛЕВИН

чество Виктора Розова в целом служит правоучительству, и такие его пьесы, как «В поисках радости», «В добрый час», «В день свадьбы», сделали многое для воспитания юношества. Особенно первая, в которой нравственный поиск круто замешан на социальной основе, насыщенный революционным пафосом утверждения советской морали.

Но, что греха таить, даже Розов порой не избегает соблазна пожелать «малых сих». Однако если у подлинно талантливых драматургов подобное морализаторство не доходит до дешевой сентиментальности, унаследованной от героев, то в доминирующей литературе развивается этакое «общечеловеческое» вневременное жалостливое.

Получается вроде бы, как у Ивана Ильича Праниско, действительного статского советника, извечного из жизни Достоевского: «— Нет-с, пора, давно уж пора было... Слишком опоздал-с. И, на мой взгляд, гуманности первое дело, гуманности — подлинным, памятуя, что и они — люди. Гуманность все спасет и все выведет...»

Именно ей, гуманности, мы обязаны тем, что лидирующее место в репертуаре занимает вчера — мелодрама «Сохрани мою тайну», сегодня — комедия «Десять суток за любовь». Согласен с тем, что зрителю нужно и посмеяться, и поплакать. Но ведь за мелодраматическими коллизиями русской «Горькой судьбины», украинской «Гуляш» или литовской «Утопленники» стоит большой социальный смысл, а что, кроме «гуманности», дает эти пьесы? Доброта, «вообще» мелькает «Десять суток за любовь». А детектив «Кто есть кто?», в котором добрый капитан госбезопасности «памятует» едва ли не запутавшегося в шпионских сетях художника-абстракциониста и сошедшуюся с иностранной разведкой инфантильную девочку?

В своем «Цирюляре против Круге» Марк и Зигель, показав, что последний подменяет сущность коммунизма бесконечными вариациями слова «любовь», писали: «В соответствии с этой любовью болотный Круге в «Ответе Зольте» и в других местах изображает коммунизм как нечто призрачное, любовное и противоположное эгоизму и сводит всемирно-историческое революционное движение к нескольким словам: любовь — ненависть, коммунизм — эгоизм».

Не кажется ли вам, что и в нашем театральном искусстве иногда всемирно-историческое революционное движение сводится к подобному же «гуманистическому» примитиву: коммунизм — эгоизм? Законно задать вопрос: не рождает ли это примитивное понимание морального кодекса советского человека как чисто нравственной программы, свободной от идеологии и политики?

Дело ведь не в том, чтобы развивать только всемирно-историческое движение, а в том, чтобы развивать его в соответствии с историческими условиями эпохи.

блемы, избегая семейных коллизий, интимно-личных отношений. Но ведь стоит подумать о том, почему драматургия А. Н. Островского, выходящая по преимуществу семейно-интимные отношения, масштабно отразила социальную картину эпохи, а в тончайшей акварели «Мещанин в деревне» И. С. Тургенева возмущал, что «авангарду» очень легко сделать артергардом.

Когда же я вижу, как в одной современной пьесе молодая героиня утешает любовью едва знакомого человека через три часа после встречи на реке, а в другой пьесе столь же молодая героиня отдается юноше через четыре часа после знакомства в кафе, а в третьей пьесе герой застает в своей холостяцкой постели девушку, которая, имея жениха, не прочь развлекать тоску с другим, я думаю: для чего и во имя чего?

ЭПИЦЕНТР драмы — человеческие судьбы. Вопрос не случайный, поскольку он не раз возникал в театальной среде. В ответ на замечание: не слишком ли много неустойчивых судеб в нашем театре? — слышится категорическое: а меня не устраивают устойчивые судьбы!

Какаясь бы, верно: в устойчивой судьбе нет драматического зорна, нет истока драматического конфликта. Но возникает не менее важный и сложный вопрос: а что, собственно, означает «устойчивая» судьба, что «устраивает» судьбу, как она «устраивается»?

Подлинная неустойчивость состоит в разрыве между личным «хочу» и социальным «могу». Настоящая же неустойчивость возникает лишь тогда, когда в социальной системе нет разрыва между исторической необходимостью и возможностью ее осуществления.

Здесь-то и определяется природа драматического конфликта в современной советской пьесе. Не маленький человек, унаследованный своей личностью, неустойчивость, а деятельность по социальным противоречиям.

И, конечно же, не борьба «чистого» добра с «чистым» злом, доброго человека со «злым» людьми, благородного Дон Кихота с неблагородным окружением, абстрактное противостояние политическим конкретностям.

Какие бы формы ни принимал драматический конфликт в нашей современной действительности, он неизменно и неизбежно носит общественный характер. Даже в сугубо личном отношении к конфликту, как правило, стоит мировоззрение и философия жизни, и в конечном счете побеждает та тенденция, та сила, которая не поддается государствену, а сливается с ним в общий интерес. И победа, добытая человеком в личной или общественной сфере, становится одновременно и победой общественной, общесоциальной жизни.

Через всю историю мирового искусства проходит

генеральная тема взаимоотношения личности и общества. В то же время искусство отражает позицию людей, создающих искусство, и здесь неизбежно выявляются отношения художника и государства. Но если — схематично рисуя — до социалистического искусства противопоставить личностное общество, стоящее на пути человека к свободе, а художник, утверждающий это противопоставление, оказывается в оппозиции к власти, определяющей враждебность социальную и личностную, то в социалистической литературе, в полном соответствии с действительностью, это противопоставление снимается, ибо впервые в истории человечества социализм создает почву для слияния интересов личности и общества.

Этим определяется драматическая коллизия в нашем искусстве: даже в том случае, когда рядовой человек вступает в конфликт с персонажем, наделенным общественными полномочиями, возникает борьба не против, а за государство — за его идеи, нормы и законы. «Разрешение» конфликта состоит здесь в том, что гражданин социалистического государства, победая в борьбе, восстанавливает не только личную, но и государственную истину.

Может ли подобный конфликт сводиться к демонстрации неустойчивости личной судьбы?

РЕВНИТЕЛИ неустойчивых героев упускают из виду еще другие моменты, влияющие на драматический конфликт, разрушающие его природу. Известно, что для драматического конфликта нужны как минимум два сильных полярных, противоположных начала. Следовательно, люди с неустойчивыми судьбами должны столкнуться с вполне устойчивыми персонажами, которые выйдут на сцену на равных правах. Но ведь не всякая «устойчивость» криминальна. Как быть тогда? Неужто в сотый раз «подчеркнуть» жену или мужа, директора или инженера, чтобы обелить неустойчивого героя?

И дальше. Человек, неустойчивый по собственной бесхарактерности, слабости, неуверенности, трусости, в борьбе, пускаясь на борьбу, как агнец, не может, с моей точки зрения, стать сценическим героем. Его судьба не драматична, она не в состоянии вызвать сострадание, сочувствие. Самые большие, на что может рассчитывать подобный «герой», — это на жалость, «жалостливое это чувство — жалость».

Приведу лишь один пример, автор свидетельствует: пьеса автора высококачественного, это пьеса Веры Пановой «Еще не вечер». Ее героем оказывается алкоголик, который не способен по слабости характера принять помощь от окружающих, в том числе государственную, общественную, личную. Лишь в финале открывается некая перспектива для этого человека, постепенно возвращающегося к жизни под влиянием само-

отверженной и терпеливой любви пригравшей его женщины.

Талант Веры Пановой уходит пьесу от мелодраматизма и сентиментальности, придает ей художественные черты. Однако, на мой взгляд, никто не в состоянии сделать из подобной коллизии произведение непреходящей ценности. В чем же дело?

Ни слабость характера, ни личная неустойчивость, ни постоянное пьянство не могут помешать опле духа Федора Протасова, ибо эта сила рождена общественными, социальными причинами. Герой же пьесы «Еще не вечер» рассматривается в ней как «алкоголик», и занимается им только с одной позицией: бросит он пить или не бросит?

На мой взгляд, это пример того, как «устойчивая» судьба, определяющая общественное произведение, не становится оплотом драматического конфликта. (Простота ведь Достоевский, задумав было роман «Пьяненькие», создал «Преступление и наказание», поставив во главе не Мармеладова, а Раскольникова, чья социальная неустойчивость отразила главный конфликт эпохи.)

Что же говорить о пьесе, где «драматизация» достигается противопоставлением личности обществу, усугублением «неустойчивости» и жалостливостью по сему поводу?

Было время (прошло ли оно?), когда само понятие

В. РОГОВИН

ОБРАЩЕНО К СОВРЕМЕННОСТИ

ЛЕНИНСКОЕ наследие служит надежным оружием в современной идеологической борьбе. Об этом говорится в подготовленном Институтом мировой литературы имени Горького Академии наук СССР и выпущенном издательством «Художественная литература» книге «Ленинское наследие и литература XX века».

В статье В. Шербины «Точка зрения жизни (Об идейно-эстетических принципах В. И. Ленина)» подчеркивается, что почти в каждой современной литературе последних лет выдвигается мысль об утрате границ между объективным и субъективным, об относительности существования, об относительности личности, о связанности с ней общими объективными законами. На место отражения действительности выдвигается концепция мифов как универсальных внутренних форм сознания.

Характеризуя идейно-эстетические принципы В. И. Ленина, В. Шербина обращает внимание на однообразие освещения в ряде работ ленинской позиции в философии и эстетике. В этих работах рассматривалась главным образом враждебность ленинских идей субъективизму и не выделены их направленность против фашизма, вульгарного материализма, представляющего процесс творчества как механическое копирование жизненных явлений, умаляющее значение активности художника. Выдвигается в «Философских тетрадях» формула об органическом единстве отражения и творчества, дающая адекватный методологический принцип для критики того противопоставления творчества отражению, которое стало первоосновой для современных антиреалистических и эстетических концепций.

Ленинские идеи дают надежный ориентир в борьбе с любыми разновидностями современного идеализма в эстетике и помогают осмыслению действительной сложности и многообразия художественного мышления XX века. Этим теме посвящена статья Ю. Борина «Ленинская теория отражения и борьба вокруг проблемы философии образного мышления».

Я. Эльсберг в статье «Черты ленинского литературного стиля и наша современность» анализирует особенности стиля произведений В. И. Ленина, обращая наше внимание на то, что изучение этой важной проблемы литературоведения только начинается.

В статье М. Курганя «Империализм, как высшая стадия капитализма» и проблемы западноевропейского реализма XX века» рассматриваются процессы, вызывавшие новаторскую перестройку художественной структуры реализмического романа, которая рождена коренными сдвигами в общественной деятельности, раскрытыми в ленинских работах об империализме.

Важнейшая сторона ленинского эстетического наследия связана с новым пониманием гуманизма, новой концепцией личности. В статье И. Гей «Личность (О типологии научного и художественного мышления)» подчеркивается, что в арсенале современной буржуазной эстетики, и борется сегодня ленинское учение о литературе.

цепи, попытки изъять искусство из сферы социальной жизни. Именно с такого рода концепциями, которые прочно вошли в арсенал современной буржуазной эстетики, и борется сегодня ленинское учение о литературе.

В статье В. Шербины «Точка зрения жизни (Об идейно-эстетических принципах В. И. Ленина)» подчеркивается, что почти в каждой современной литературе последних лет выдвигается мысль об утрате границ между объективным и субъективным, об относительности существования, об относительности личности, о связанности с ней общими объективными законами. На место отражения действительности выдвигается концепция мифов как универсальных внутренних форм сознания.

Характеризуя идейно-эстетические принципы В. И. Ленина, В. Шербина обращает внимание на однообразие освещения в ряде работ ленинской позиции в философии и эстетике. В этих работах рассматривалась главным образом враждебность ленинских идей субъективизму и не выделены их направленность против фашизма, вульгарного материализма, представляющего процесс творчества как механическое копирование жизненных явлений, умаляющее значение активности художника. Выдвигается в «Философских тетрадях» формула об органическом единстве отражения и творчества, дающая адекватный методологический принцип для критики того противопоставления творчества отражению, которое стало первоосновой для современных антиреалистических и эстетических концепций.

Ленинские идеи дают надежный ориентир в борьбе с любыми разновидностями современного идеализма в эстетике и помогают осмыслению действительной сложности и многообразия художественного мышления XX века. Этим теме посвящена статья Ю. Борина «Ленинская теория отражения и борьба вокруг проблемы философии образного мышления».

Я. Эльсберг в статье «Черты ленинского литературного стиля и наша современность» анализирует особенности стиля произведений В. И. Ленина, обращая наше внимание на то, что изучение этой важной проблемы литературоведения только начинается.

В статье М. Курганя «Империализм, как высшая стадия капитализма» и проблемы западноевропейского реализма XX века» рассматриваются процессы, вызывавшие новаторскую перестройку художественной структуры реализмического романа, которая рождена коренными сдвигами в общественной деятельности, раскрытыми в ленинских работах об империализме.

Важнейшая сторона ленинского эстетического наследия связана с новым пониманием гуманизма, новой концепцией личности. В статье И. Гей «Личность (О типологии научного и художественного мышления)» подчеркивается, что в арсенале современной буржуазной эстетики, и борется сегодня ленинское учение о литературе.

В «БИБЛИОТЕКУ» РАБОЧЕЙ ТЕМЫ

НА СОВЕЩАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ ДОНБАССА И КУЗБАССА

Слово «Донбасс» звучит сегодня не только как название экономического района. Это слово олицетворяет рабочую доблесть и честь. Город Донецк называют шахтерской столицей. 21—22 января здесь состоялось совещание, посвященное теме рабочего класса в произведениях писателей Донбасса и Кузбасса. В совещании, созванном Донецким обкомом КП Украины и Донецкой писательской организацией, приняли участие литераторы Москвы, Киева, Кемерово, Ворошиловграда, Донецка. Разговор о рабочем человеке в литературе привлек ученых, партийных и советских работников, представителей издательства, газет и журналов, передовиков производства.

причинах медленного и недостаточного освоения этой темы.

Совещание открыл секретарь Донецкого обкома КП Украины П. А. Пономарев. Говоря о важности научно-технического прогресса на качественное преобразование личности человека, занятого в промышленном производстве, П. А. Пономарев обратил внимание собравшихся на то, что рабочий сегодняшний день уже не тот, что был тридцать лет назад, и даже сейчас, в эпоху индустриального кризиса, в этом городе, который и возник-то сто лет тому назад вокруг угольных шахт и металлургического завода «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рудного производства». За героем, за конфликтом не надо ехать в творческую командировку. Однако, несмотря на кажущуюся доступность, близость материала, тема рабочего класса не находила еще должного художественного воплощения ни в произведениях писателей Донбасса, ни в книгах их коллег из Кузнецкого бассейна.

Собравшись вместе, писатели пытались обратиться в

«По следам истории», повести В. Титова «Всем смертям назло», В. Соколова «Возле», Г. Довгара «На быстрине», книга П. Чебанова «Рабочая улица», поэма Е. Буравлева «Первая планка», стихи В. Мухоморова, рассказы В. Малаева и В. Чугунова и другие.

Рабочая тема для нас, писателей, сказал докладчик, — это тема человека. Ну, больше творческого волнения, уважения к рабочему человеку, знания многочисленных аспектов, из которых складывается его жизнь.

Проблема героя вызвала наибольший интерес участников совещания. Герой в произведении живет, воспринимается читателем с доверием лишь в том случае, если он вовлечен в конфликт жизненно важный, социально серьезный, влияющий на преобразование человеческого характера. Однако как часто такие конфликты встречаются в произведениях, ситуациях, в основе которых лежат проблемы сугубо производственного, решая которые должен не литератор, а хозяйственные и общественные организации. Литераторы иной раз забывают в таких книгах о человеке — главной цели художественного исследования.

Подчас заложенная в конфликте проблема настолько мала и локальна, что не требует для своего разрешения напряжения духовных сил, проявления ярких эмоций. Об этом говорили в своих выступлениях А. Мороз, П. Селюков, Г. Володин, Т. Рыбас, М. Колесов, О. Павловский, М. Личенков.

Были и другие мнения по этому поводу. В. Шустов считал на отсутствие у многих литераторов профессионального интереса к изучению жизни предприятия. По его мнению, литератор не может не высказываться в существе производственного конфликта, такого, например, как проблема выплата зарплаты в забое, ибо эта проблема непосредственно связана с человеком, с его здоровьем и условиями труда.

Выступавшие на совещании ставили перед собой задачу: Герой Социалистического Труда В. Хомяков, бригадир бригады рабочих олимпийского любя Герой Социалистического Труда К. Серванов, мастер-зачинщик А. Власов, добрая желанная литераторов глубже изучить жизнь людей труда, поднее и качественнее отражать ее в своих произведениях.

их, упрямки, однако, некоторых авторов в том, что они не в силах полнее преодолеть «сопротивление» накопленного материала, отобразить наиболее характерные черты рабочего человека.

В ходе обсуждения был высказан ряд конкретных предложений по изданию серий книг на рабочую тему. Директор издательства «Донбасс» П. Богданов и главный редактор журнала «Донбасс» В. Соколов, критик Е. Волоши привлек писателей смелее обращаться к документальному жанру.

Перед участниками совещания выступил поэт А. Жаров. Писатели побывали на предприятиях города и области.

Заканчивая двухдневный разговор, его участники сошлись на главном: дело есть писателя — прозвучало, поэт, очеркист, драматург — показать современникам рабочего человека в полный его рост. Необходимо преградить дорогу на страницах журналов и книг произведениям серым, конъюнктурным, парадным.

Выставка «Московские художники» Владимиру Ильичу Ленину

Б. Аверьянов, У гаража.

КАК известно, сколько — нибудь общепринятая теория фантастической литературы пока нет. И поэтому во избежание недоразумений давайте сразу же договоримся о терминах. Мы называем фантастическим всякое художественное произведение, в котором используется специфический художественный прием — вводятся элементы необычайного, невозможного и даже вовсе невозможного. Все произведения такого рода могут быть разбиты на весьма широкий спектр, на одном конце которого расположатся «80 000 километров под водой», «Грезы о Земле и небе» и «Человек-амфибия» (то, что обычно именуют фантастикой научной), а на другом — «Человек, который мог творить чудеса», «Мастер и Маргарита» и «Превращение» (то, что мы склонны именовать фантастикой реалистической, как ни странно это звучит).

Научная фантастика, по сути, очень модная, она порождение научного прогресса и технических революций, и она от рождения посвящена науке и технике — борьбе Человека с Природой. Фантастика же реалистическая стара, как сама литература, она восходит к Гомеру и Апулею, и она вместе со всей литературой решает проблему Человека в его отношении к себе, к обществу.

Различное происхождение этих двух разновидностей фантастики, различная, по-видимому, и их судьба в грядущих веках. Нам кажется, что реалистическая фантастика пребудет вовеки, как она пребывала и в прошлом. Ее судьба — это судьба литературы вообще. Можно даже предположить, что ее роль и удельный вес в общем потоке литературы будут возрастать вместе с возрастанием сложности нашего мира. Что же касается научной фантастики, то ее развитие целиком зависит от прогресса науки и техники, от общественного ренессанса естественных наук. Так что когда и если (как

предполагают некоторые специалисты по науковедению) развитие естественных наук достигнет стадий насыщения и интереса общества переместится в другую область, научная фантастика может захиреть и исчезнуть, как в связи с развитием письменности и усовершенствованием средств коммуникаций исчез эпос. Впрочем, если это и произойдет, то лишь в отдаленном будущем.

Пусть не пойдут нас так, будто, подчеркивая различия в генезисе и в дальнейшей судьбе этих разновидностей литературы, мы стремимся воздвигнуть между ними некую стену; напротив, даже в отношении реалистической и научной фантастики как таковой фантастики как таковой невозможно усмотреть сколько-нибудь принципиальную разницу. В произведениях реалистической фантастики демоны и великаны могут разгуливать по городу, может нарушаться второй закон термодинамики и Иисус может вторично спуститься на грешную землю. Каждому непредубежденному читателю ясно, что это лишь художественные приемы, позволяющие авторам подчеркнуть какую-то мысль или отбросить некоторые черты человека (или общества). Никому и в голову не придет обвинение в нарушении суверенитета прав Божества Наума и Его Высочества Златого Смысла. Что же касается фантастики научной, то своеобразия нынешней ситуации в естествознании заключается как раз в том, что современная наука с невиданным благодушием и терпимостью относится к любой игре научного воображения. Ведь и само развитие науки сделалось ныне возможным только благодаря «достаточно сумасшедшим гипотезам». Ошелмляющий темп этого процесса породил, во-первых, интуитивное ощущение всемогущества науки, абсолютности возможного и относительности невозможного, а во-вторых, вытеснил в сферу интеллектуального потребления сырую массу идей, догадок, предположений, которые

можно было бы квалифицировать как мифы нового времени, если бы не восторженная подлинная уверенность, что все это возможно: и мысленные машины, и неболванская жизнь, и негуманоидный разум, и фотонные звездолеты. Слишком широк сегодня фронт вторжения науки в неизвестное, слишком много сегодня существует гипотез, о которых наука способна сказать только (пожизненная печаль): «Это не противоречит фундаментальным законам», — слышим мы с такой интуитивной уверенностью, что невозможное сегодня становится возможным завтра. И странно поэтому слышать об ограничениях, которые якобы ставит перед фантастикой наука — та самая наука, которая всячески поощряет фантазию, которая не способна ни существовать, ни тем более двигаться вперед без самого безудержного фантазирования. Мы даже рискуем бы выдвинуть предположение, что сейчас, как никогда, трудно сформулировать такую гипотезу, о которой современная наука определенно и безоговорочно могла бы сказать: «Нет, это невозможно. Это наверняка неверно».

(Конечно, речь идет только о «сумасшедших» идеях и гипотезах. Существует строгое и величественное здание достоверных фактов и обоснованных теорий, разрушать которые по

А. СТРУГАЦКИЙ,
Б. СТРУГАЦКИЙ

ДАВАЙТЕ

ДУМАТЬ

О

БУДУЩЕМ

изволу не рекомендуется никому из научных фантастов, если он не хочет прослыть невеждой и неучем.)

Нам приходится писать и научную фантастику, и фантастику реалистическую. Может быть, именно поэтому мы бесконечно далеки от мысли как-то противопоставлять эти две разновидности литературы, утверждая превосходство и общественную значимость одной разновидности перед

другой, настаивать на гипертрофированном развитии одной разновидности за счет другой. С нашей точки зрения, реалистическая фантастика призвана выполнять те же благородные задачи, что и реалистическая литература. Что же касается фантастики научной, то она прежде всего выполняет несколько более специфическую, но не менее благородную задачу приобщения читателя (особенно молодого) к миру самого современного естествознания, будит воображение, формирует правильное отношение к науке и к научному прогрессу.

Не исключено, что определенная специфика научной фантастики сказывается и на характере творческого процесса. Наш опыт во всяком случае как будто подтверждает это предположение. Вообще, каждая новая повесть задумывается, разрабатывается и пишется иначе, чем предыдущая и последующая. Здесь нет единой закономерности, а если и есть, то мы ее не знаем. Между первоначальным замыслом и конечным результатом лежит иногда пропасть до такой степени глубокая, что мы сами удивляемся, откуда это взялось. (Например, «Попытка к бегству» была задумана как юмористическая повесть о жизни туристско-кибернетиков XXIII века, а «Улитка на склоне» долж-

на была рассказать о новых приключениях звездолетчика Гиббсона на страшной планете Пандора.) Половина наших вещей была написана как выкрики из головы, написанная героиня, затронула, подробно разработать план первых двух глав. И вот, когда уже написаны несколько страниц первого черновика, уже вроде бы пошло дело, вдруг выясняется, что нам скучно. Что мы не хотим. Что мы занимаемся чепухой. Именно в этот момент отчаяния и бесцельности, вероятно, и начинается настоящая работа, и на глубинном сознании выливается то, над чем мы подспудно думали последние время, то, что нас особенно мучало, что мешало жить и помогало жить, то, что и было нашей настоящей жизнью последние годы. И когда, подвигаясь отчаянием и бессилием, мы осознаем все это, как-то сами собой всплывают и новые герои, формы, и новый сюжет, и мы уже наперевод рассказываем друг другу, каким должен быть мир, где развернется действие. «Трудно быть богом», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди» появились не из чьего-то замысла, хорошо разработанного плана, взяли начало не от лизации придуманной ситуации и не от оригинальной логической модели, а как раз вопреки всему этому. С другой стороны, такие повести как «Страна багровых туч», «Старая», «Юность», XXII век, почти все наши рассказы, то есть те наши вещи, которые явно относятся к фантастике научной, есть результат последовательной, планомерной, до конца наперед рассчитанной работы. Впрочем, мы бы никогда не признали, что такое различие в творческом процессе характерно для всех писателей, которым приходится иметь дело с обеими разновидностями фантастики.

ВООБЩЕ, если говорить о творческом процессе, трудно найти что-либо такое, что было бы характерно для всех писателей сразу. В конце концов, что такое писатель? По-настоящему писатель — это в идеале — прожорливый, высокоинтеллектуальный читатель. Читатель же — в частности, читатель фантастики — интересуется литературой самые разнообразные предметы. Как показали социологические исследования последних лет, один из них в фантастике — увлекательный сюжет, оснащенный новейшими научными идеями; другие — парадоксальность мышления, столкновение несопоставимых в обычном смысле понятий и представлений; третий — фактическую достоверность, тошную достоверность, логически безупречный анализ существа, — так далее. И каждый по-своему прав, и каждому должна быть обеспечена возможность найти искомого.

Нас привлекает в фантастике прежде всего то, что в литературе она является идеальным и единственным пока орудием, позволяющим подорвать с одной из важнейших проблем сегодняшнего дня. Такой проблемой является вторжение будущего в настоящее, вторжение, обусловленное невиданными темпами социального и технологического прогресса человечества за последние десятилетия. Семья, поселенная утром нашей жизни, всходит теперь даже не к нашей старости, не вечером, а в полдень. Столкновение с новыми цивилизациями, генетическая революция, Великий Потоп информации — все это стало реальными факторами жизни одного, только одного поколения. Великий скептик Олдос Хаксли писал: «Давайте думать о настоящем. Если мы не будем этого делать, то вскоре не будем и будущего». Нет, давайте думать о будущем — не только воспеывать его, не только восторгаться или ужасаться им, не только мечтать о нем или бояться его — давайте думать о нем, изобретать его, готовиться к нему.

СЛОВА
ПРОЩАНИЯ

Умер Сергей Иванович Ващенко, один из старших советских писателей, все творчество которого было посвящено родной ему армии. С молодых лет он, бедный, но трудный добывавший хлеб, как трудно без чуждой помощи получить образование, почему черной юнгой Сергей Иванович пронос бережливое, чуткое отношение к литературе. Он окончил Московский университет, в котором принимал участие в национализации предпринимательства. Работал преподавателем в Военно-морском институте. Работал преподавателем военных клубов связи, сотрудничал с различными издательствами, посвященными солдатам революции. В 1931 году он был избран членом Союза писателей. Ващенко стоял одним из организаторов литературного объединения Искра Армии и Флота и его журнала «ЛЮДИ», впоследствии переименованного в «Знамя». В творчестве писателя Ващенко — об uomo, волею командования армией. Это произведение Сергея Ивановича вошло в число лучших книг о войне. Ващенко был участником освободительного похода в Западную Украину и Западную Белорусию, боя с белогвардейцами. С первых дней Великой Отечественной войны Сергей Иванович находился в частях с частями 2-го Украинского фронта он прошел весь боевой путь.

После окончания войны Сергей Иванович Ващенко работал заместителем главного редактора «Знамени», руководителем военной комиссии Союза писателей СССР. Последние годы своей жизни Сергей Иванович посвятил литературной работе. Дом Ващенко — институт имени А. М. Горького — стал для него постоянным домом. В течение многих лет он руководил кафедрой творчества, неустанно заботился о молодых писателях, поддерживал их в трудную минуту, радовался их творческим успехам. Ващенко — только республиканский и городской не встретил его признательных учеников. Горю думая, горю из жизни друг, сердце которого было безраздельно отдано родной партии, родному народу, родной литературе.

Г. М. МАРКОВ, А. Т. ТВАРДОВСКИЙ, В. В. ЛЮДИН, В. Ф. ПИМЕНОВ, А. А. КАСИДИН, С. Г. САДЛАНДИН, Ю. Г. ГАЙДЕР, Б. М. ЗУБАВИН

Образовалась жизнь Владимира Михайловича Млечина — старого литератора, члена СП СССР с 1920 года. Печальная эта жизнь тесно связана с судьбой всех, кто знал его.

Семинарским юношей он участвовал в гражданской войне, а затем со своим семейством уехал в культурно-просветительскую работу. В 1925 году он стал ответственным работником партийной печати, в традициях — возглавляет Московский республиканский комитет, руководит отделом литературы и искусства газеты «Звезда» и журналов. В 1930 году Млечин — директор Театра Революции (ныне Театр имени Маяковского) и затем ответственным работником правления Союза писателей СССР.

В. М. Млечин известен как талантливый драматург и литературный критик. Его статьи и рецензии часто появлялись в центральных газетах и журналах. Он был самым близким и умным другом многих деятелей советского театра и литературы.

Несмотря на долгую болезнь, он работал до последних дней. Из замечательной и богатой жизни Млечина мы успели опубликовать, и сожалеем, лишь незначительную часть. В частности, мы не успели опубликовать с М. В. Фрунзе. Он закончил воспитание о В. В. Маяковском.

Горю думать о том, что В. М. Млечин нет в живых. Но светлая память о нем сохранится в сердцах его друзей и читателей.

В. БИЛЫЙ-БЕЛОУРОВСКИЙ, Ю. ЗАВАДСКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, С. МИХАЙЛОВ, В. СМЕРНОВ, М. АРАПОВ, С. ЧЕРНОВ, А. ЦАРЕВ, П. ТОВСКИЙ, С. ТРЕГОВ, Н. РАВИЧ, А. СМОРОДОВ

Коллектив «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование сотрудникам редакции Млечина И. В. в связи с постигшим его горем — кончиной отца

Владимира Михайловича МЛЕЧИНА

Коллектив «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование сотрудникам редакции Курову А. И. в связи с постигшим его горем — кончиной матери

Татьяны Ивановны КУРОВОЙ

От комиссии по литературному наследию А. Я. БРУШЕИ

Комиссия по литературному наследию выражает соболезнование сотрудникам редакции Бруштейн Ю. в связи с постигшим его горем — кончиной матери

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЖАНРА

Е. ТАМАРЧЕНКО

РЕАЛИЗМ НЕОЖИДАННОГО

лучшим насыщены здесь даже произведения, рисующие общество, в появлении которого читатель и автор вполне уверены. Вспомним те же «Туманность Андромеды», «Люди, как боги» С. Снегова.

Есть и более широкая точка зрения, по которой функция фантастики также исчерпывается прогнозом, хотя о способах предвидения не говорится определенно. Сторонники этой концепции можно указать, что фантастические образы рисуют, как правило, не только новое будущее, но и столь же неожиданное и невероятное прошлое. Так, если в рассказе Г. Гора «Великий актер Джонс» Эдгар По странном образом навещает конец XX века, то в XIX веке реальность включает его не известный историкам литературы рассказ об этом времени сюжеты, по которым потомки находят на отдаленной планете средневековые, пытающиеся освоить совершенно чуждую ему, технику, и т. п. В современной фантастике будущее входит в прошлое, столь же реально, как прошлое — в будущее. В этом смысле фантастика — это художественно-научное исследование, и если прогнозирование будущего имеет практический смысл, то можно ли найти его в таком же ретроспективном анализе?

НА МОП ВЗГЛЯД, осполненной функцией социально-философской фантастики является выбор — понятие более широкое, чем прогнозирование. Не прогнозирование истории открываются фантастическим образом, а фантастический образ — это фантастический образ, который не может быть описан в реальном мире. В его принци-

пальной несхожести со всем уже сложившимся и существующим раскрывается одна из основных секретов фантастики — ее природное стремление к космическому универсальности обобщений.

Социально-философская фантастика — не случайное явление в современной советской литературе: она не возникла «из ничего» и не изолирована от других жанров. Напротив, она окружена обширной сферой родственных художественных форм, которые, как и она, выделяются публицистичностью, остротой сюжетом, пафосом нового, пафосом, который не имеет ничего общего с пафосом традиционной литературы. С этой стороны к интересующему нас жанру приближаются так называемая «технологическая» фантастика, ориентированная прежде всего на подростков и занятая прональной научными гипотезами.

Но научность не исключает специфичности современной фантастики. Научность была и остается характеристикой и многих других явлений искусства (литература просветителей, Флабер, Золя и их приверженцы, реалистический философский роман XIX века, детективный роман и т. д.). По той же линии научности современная фанта-

стика близка философско-социально-реалистическому роману («Русский лес» Л. Леонова). Герой современной научной фантастики (как и герой такого романа) прежде всего — идея (в том же смысле, в каком героем детектива является сюжет).

КОНЕЧНО, и читатель философского романа, и читатель фантастики и детектива, как бы они ни были увлечены остротой поворота действия и борьбой противоположных концепций (моменты, сильно выраженные во всех трех жанрах), сопереживают прежде всего конкретным личностям — персонажам. Однако эти личности построены по-иному, чем герой традиционного реалистического романа: они многолики, и отдельные воплощения каждого персонажа остро противостоят друг другу. Таковы центральные герои детектива, постоянно меняющие свои маски, — сыщики, разведчики, преступники. Типичный герой современной фантастики живет одновременно в прошлом и в будущем в виде взаимоисключающих двойников, в нем борются робот и человек, он одновременно воплощает противоположные морально-психологические концепции. Такое строение личности героя и ставит перед ним и читателем проблему бескомпромиссного выбора, которая служит (по-разному) движущей пружиной всех трех жанров. Не зря детектив так органически прорастает в философский роман (Честертон, а последний, как и современная научная фантастика, обычно включает в себя детективные линии).

Формула художественного своеобразия интересующего нас жанра должна учитывать и то, что близка к его основным принципам. Такой широкой характеристикой, позволяющей выделить подлинную индивидуальность жанра, является понятие «жанра». Все образы социально-философской научной фантастики, начиная от ее центральных героев и кончая элементарными художественными деталями, стремятся существовать как бы на грани

взаимоисключающих противоречий, сюжетных, идейных и эстетических, полностью сливая их в себе и в то же время становясь ареной их непримиримой борьбы.

Эстетическая пограничность фантастических образов заметно выражается и в тяготении фантастики к стилизации и сказу («Сказки роботов» и «Кибернада» Лема), к всевозможным формам комического (цельный ряд произведений Н. Варшавского, В. Савченко, А. Днепров, Р. Подольного, Л. Лагина и др.). Ведь в основе этих художественных явлений лежит именно столкновение далеких друг от друга стилистических тенденций, жанровых установок и способов мышления, взаимоисключающих ситуационных моментов.

Среди родственных жанров современной литературы, также отличающихся отчетливой культурной и эстетической пограничностью, эта ветвь научной фантастики выделяется крайне заостренным и в то же время наиболее наглядным, пластически развитым выражением сходящихся в ней противоречий. Наследственная погрешность детектива, интеллектуальный мир романа философского сливаются здесь с астрономическим космосом. Сохраняя всю суть реального приключения и открытия, фантастика остается в то же время приключением интеллектуальным. Сильнее и острее других типов литературы она выражает тягу к новому.

Однако пограничность культурного положения научной фантастики, обеспечивая ей эстетический кругозор и массового читателя, оказывает и дурное влияние: оно вызвало странный спор из-за не «гуманитарности» и «естественности». Оно заставляет заниматься ее исследованием всех, кого угодно, кроме литературоведов, профессионалов.

Между тем в откровенной, острой и доступной для каждого форме выражения переломности нашего времени, фантастика получает несомненную ценность для литературной теории. Результаты исследования фантастики помогут многое объяснить в тех явлениях современной литературы, в которых пограничность образов и эстетических принципов проявляется менее очевидно.

Нельзя отрывать фантастику и от истории советской литературы. Ведь фантастика — полноправный жанр литературы социалистического реализма.

ПЕРМЬ

ЯКЕЛО ступая по ступеням землянки, майор сошел вниз. Могучие руки он держал на весу, полусогнувшись, точно хотел не то по приятельски обласкать Колесникова, не то стрелить и вытолкнуть вон.

— Ну? — протяжно произнес он. — Я майор Махнин. Новый начальник штаба.

Колесников, вдохновившись, что прислали, слава богу, человека ему в помощь, встал и радушно пододвинул вешешку табулет.

— Я капитан Колесников. Заместитель командира полка по политической части. Поверьте, совершенно измотался. Формируемся почти что заново, а старых офицерских кадров у нас осталось. Не слышать, когда придут новые командиры полка? Майор устал на табулете, небрежно положил на стол свои документы и вынул из кармана толстые, как бревна, ноги, так что Колесникову пришлось отшатнуться к самой стенке.

— Вы уже не заместитель командира полка, — сказал майор Махнин. — Ни по политической части, ни по другим частям. Будете служить в первом дивизионе.

«Соблазнительной какой-то», — подумал Колесников. — Мог бы не так в лоб это мне сообщить, а вслух спросил:

— Чем же?

— Работа у вас будет прежняя. Разговаривать. В дивизионе тоже будете замполитом.

— Должен заметить товарищу майору, — сдержанно сказал Колесников, — что политические работники не только разговаривают. Они еще и сражаются. И политически обеспечивают выполнение приказов командования.

— Бывает, — сказал новый начальник штаба. Он так и водил маленькими глазками за движениями капитана. — Ну? — опять протяжно произнес он. — Доложите обстановку. Надеюсь, хоть что умеете.

«Действительно, грубый человек», — подумал Колесников. Он стал докладывать.

— Со вчерашнего дня к нам стало поступать пополнение. Многие еще не обстреляны. Плоховато пока с материальной частью. Мы порядочно потеряли в последнем бою, вы, наверное, слышали.

Махнин то ли слушал, то ли не слушал, водил глазками по помещению штабной землянки, и Колесников решил свернуть свой доклад.

— Все новенькие мы с утра направляли в лес заготавливать бревна и жерди для землянок. Должны скоро вернуться. Вот пока все наши дела.

На лице майора ничего не отразилось, словно говорили не ему, затем он прерывисто улыбнулся:

— Знаю я ваши дела. Соберите офицеров.

Капитан отдал по телефону приказ, и вскоре в землянку стали входить учащиеся командиры служб и подразделений.

Махнин вливался глазками в каждого, кто входил.

— Все? — спросил он, видя, что никто более не появляется.

— Отсутствует командир пьоты батареи старший лейтенант Хромой, — доложил Колесников.

Махнин притворился, будто не понял, что Хромой — это фамилия.

— Он что, совсем хромой или есть надежда, что привыкнет к нашим советам?

Майор все меньше нравился Колесникову.

— Командир пьоты батареи, — ответил он, — ходит нормально, физическим недугом в этом смысле не страдает.

— Почему же он не пришел?

— Комбата сейчас нет в расположении части. Отпросился на час в деревню.

— Ну, конечно, он в деревне, шалунчик, — Махния, казалось, подмигнул Колесникову, — ну, разумеется. — Затем протяжно произнес: — Ну-с!.. Сколько минометов потерял в последнем бою Хромой?

Кто-то негромко ответил:

— Два миномета.

Махния возлился взглядом в лица командиров:

— Кто больше?

— Мы не на аукционе, — дрогнувшим голосом заметил Колесников и в знак отказа отвечать на поставленные подобным образом вопросы заложил руки за спину.

— Нет, руки опустите, — сказал Махния. — Пожалуйста, без демонстраций. А ну, встаньте, как положено.

«Я его ненавижу», — думал Колесников, опуская руки.

— Я потерял три миномета, — сказал один из офицеров.

— Выйдите вперед. Фамилия? Знаете? Должность?

— Лейтенант Баронин. Командир четвертой батареи.

— Очень переживаете потерю?

— Конечно! — с чувством ответил комбат.

Махнин откинул голову и так громко и заразительно рассмеялся, что многие улыбнулись, хотя разговор им не нравился.

— Преступы! — сказал Махния. — Он переживал. Ну-с!.. Теперь внимание! Махнин привлек офицера, стоявшего опираясь на палку. — Были недавно ранены?

— Бог миловал, товарищ майор, — слегка картавя, ответил офицер.

— Тогда положите палку. Дисциплины не знаете. Кто вы?

— Капитан Семичев, начальник связи.

— Образование?

— Московский государственный университет. И военное училище.

— Ну-с!.. Вы сами что потеряли в бою?

— Лично я, — приятно улыбаясь, ответил Семичев, — лично я потерял палку. Не эту. У меня была замечательная. Но если говорить в более широком плане, то полк потерял в этом замечательном бою почти всю свою связь.

— Ох, эти мне с высшим образованием, — презрительно сказал Махния.

Семичев почтительно осведомился:

— У товарища майора низше?

— Ого! — вырвалось у нового начальника штаба. Он налег грудью на стол. Нет, у меня тоже высшее. Когда-то я был горным инженером. — Махния обвел взглядом офицеров, внимательно следивших за их поведением. — Предупреждаю товарищей командиров, остроумие люблю. Но чтобы действительно было смешно. После потерял почти всю связь, а капитан Семичев, отвечающий за полковую связь, — только палку. По-моему, это не остроумно. — Махния поширил глазами по лицам офицеров. — Кто командир взвода управления?

Вперед на полшага вышел смуглый офицер:

— Я лейтенант Назарян.

— Приказываю капитану Семичеву завтра к шести волю-волю сдать командование связью полка лейтенанту Назаряну.

— Есть сдать командование связью полка лейтенанту Назаряну, — громко и серьезно повторил Семичев.

— Началось, — вздохнул кто-то.

— Началось, — подтвердил Махния. — И завершится. От вашей расхлябанности и следа не останется.

— Послушайте, — вдруг победил, сказал капитан Колесников, — пусть Великая Отечественная, мы в армии, а последний бой мы проиграли, но мы советские офицеры, у нас есть самоуважение и достоинство. Не потрудитесь ли вы переменить тон?

Махния даже не поглядел в его сторону, поднажал из-за стола, навис над ним своей толстой живот.

— Не думаю, товарищи офицеры, что я вам понравился. Ну да что делать. Через день-два вам предстоит более существенная встреча. Прибудет новый командир полка. Смулов. Расслышали? Гвардии подполковник Смулов Фома Николаевич. Зная его, весьма советую вам, чтобы к завтрашнему утру все, что осталось в полку, блестяло и сияло. Материальная часть, личное оружие, одежда бойцов, землянки, кухни, уборные — все привести в сиятельный вид. Времени хватит. Есть вечер и есть ночь. Свободны! Остаться капитану Колесникову и капитану Семичеву.

— Ну-с, — нараспев произнес Махния, когда все, кроме названных, вышли, и, как волк, всем толпушечком повернулся к Семичеву. — Вам, уважаемый капитан, полка надлежит принять в дивизионе должность, которую исполнял Назарян. Если, по вашему легкомыслию, и эта должность покажется вам обременительной, мы спустим вас еще на одну ступеньку, непосредственно в батарею.

— И все это палка надела? — почти добродушно спросил Семичев.

— Она, — серьезно сказал Махния. — Свободны!

Поздним вечером майор через связанного неожиданно пригласил Колесникова к себе в землянку. «Что еще нужно этому Соблазнитель?» — думал Колесников, идя к нему.

Начальник штаба был в гимнастерке с расстегнутым воротом и в шлепанцах. Теперь он не только не казался свирепым, а был какой-то сдвинутым, допавшим, да и все остальное этому впечатлению соответствовало. На земляном полу теперь лежал желтый коврик, а лампы-молнии, и красивая тумбочка. «Любит себя», — подумал Колесников. Но так приятен был этот уют, так нежно шелестел песок, окутывавший под ноги, что Колесников на мгновение почувствовал себя почти счастливым, оказавшись здесь.

Махния уловил значение взгляда капитана.

— А что? Удобства мне положены, — сказал он. — А вы, конечно, это осуждаете.

— Почему так думаете? — спросил Колесников.

— Потому что в стране сейчас скверно, трудно. А вы интеллигентик. Значит, считаете, что и мне, и вам тоже должно быть плохо. Ну? Обиделись, что заставил вас стоять по стойке «смирно»?

— Вам виднее, как вам налаживать отношения со старыми кадрами полка.

— Виднее, — согласился майор. — Здесь каждая чувствует себя запамятовавшим. А здесь не университет. Армия.

— Я бы добавил, советская армия, — заметил Колесников.

— А я никого не заставляю чистить себе сапоги. Но вы хотели свою амбицию мне показать. Вы что, против порядка?

— За! Но не на ваш хахский манер. — Ну, ничего. Вы сейчас мой гость и обижены, можете подерзнуть мне. Только вот что я вам скажу, товарищ политический работник. Даже при коммунизме нужен будет железный порядок. А сейчас еще не коммунизм и к тому же война.

«Хотел бы я знать, что ты, кроме порядка, знаешь», — подумал Колесников. Спросил:

— За что все-таки вы сняли Семичева? Ведь он отличный офицер.

— Значит, за что я его снял. А пожалуй, ни за что. Придрался к случаю.

— Зачем?

— Как вам сказать... Для всеобщего устрашения, что ли.

— А зачем вам всеобщее устрашение?

Махния как бы в раздумье поглядел на Колесникова.

— Зачем, значит... Немские удары оказались ужасными по силе. У некоторых потрясено сознание, они в шоке. Этот полк — прямой пример. Вы все расхлябаны. Надо привести вас в чувство. Хотя бы таким способом.

— Не старались бы так, — сказал Колесников. — Мы в разуме и сознании. Вам пришло в голову.

— Не знаю, не знаю, — снова как бы в раздумье сказал Махния. — Дай бог, если так. Вы не кадровый офицер?

— Представьте такую странность, что я, как и снятый вами для всеобщего устрашения капитан Семичев, тоже был педагогом, историком.

— Осторожно вы оба историю делаете, — сказал Махния. — Тринадцать минометов только в одном бою потеряли. И почти всю связь.

— Если хотите знать, — сказал Колесников, — мы этот бой провели совсем неплохо.

— То есть? — быстро спросил новый начальник штаба.

— Мы навались на танки, находясь в движении на узкой лесной дороге. Развернулись машинами и сняли с них минометы времени уже не было. Успели отсечь только те, что были на прицеле. Пехоты нашей впереди нас почему-то не оказалось.

— По той же причине, — лениво произнес майор.

— Не знаю, по какой, — раздражился, сказал Колесников. — Но факт, что пехоты не было. А вы знаете, что из минометов даже нашего калибра, сто двадцать, с танками не справляются. Но мы все-таки били их. Подбили три танка.

— Вас только послушайте, — небрежно сказал Колесников. — Почему вы не верите, что мы сами себя мушкетировали? К чему это ваше кривляние?

— Ну да, интуиция Махния, — и вам не нравилось.

— Черт знает, что такое, — пробормотал Колесников.

Махния теперь сидел грустно и неподвижно, как-то весь осяв, как мешок. Затем чуть выпрямился, несколько переместил свое большое тело и вдруг резко перевернулся через стол.

— Слыхали мы все это. В одном полку было вести тонн геронима, в другом даже приста, а еще после и все пьотот. Согласен. Однако с геронизмом или без такового, но после многих превосходнейших боев мы снова отходим, эти сволочи — на Волге, и опять все к чертовой матери взлетает на воздух и горит. Моя душа больше этого не принимает. Так к чему мне слушать трагические рассказы капитана Колесникова? Понятно? Ну и все!

Колесников глядел на майора, оббитый с толку. «Нажмет, глубокая натура, просто интереснейшая же личность», — подумал он теперь о Махние. Ему захотелось обидеть его.

— Не полагаете же вы, — заговорил он с большим душевным подъемом, — что мы в самом деле можем проиграть эту войну?

Далее Колесников сказал Махнии, что не было в истории случая, когда бы восходящая линия уступила нисходящей. Советский Союз, расколовшийся на Махния («Вы же это сами не хуже меня знаете»), представляет собой именно эту

несколько бабе, без определенного выражения, и только в голосе была какая-то особенная ясность, звучность. Даже когда он говорил тихо, казалось, что говорит он громко.

— Нет, еще не бывший, — сказал Смулов. — Увидим, как сложится. Пока вы мой заместитель.

— Имеется приказ о снятии, товарищ гвардии подполковник, — почтительно сказал Махния. — Я вам об этом звонил. Как же теперь быть?

Командир полка, не отвечая и, видимо, не желая отвечать на это, водил ладонью по голове.

Махния отключился.

— Я тут, товарищ гвардии подполковник, от вашего имени одного офицера снял.

Рука Смулова повисла над головой.

— Было за что? — спросил он.

— Было, — сказал Махния. — Да вот ваш заместитель по политической части сам подтвердит.

— Сначала я хотел отменить распоряжение товарища майора, — сказал Колесников. — Но затем подумал, что если с первой же минуты демонстрировать при офицерах расхождение в руи доведе...

Колесников обсека, так взглянул на него командир полка. В глазах Смулова вспыхнуло короткое светлое пламя при словах Колесникова «хотел отменить...», «демонстрировать расхождение...».

— Еще что было? — спросил Смулов. Его глаза опять были спокойны.

Махния снова отключился.

— Очень неприятный случай, товарищ гвардии подполковник. Я даже заподозрил, что самострел.

Наступила пауза, вся заполненная болезненными сжатиями сердца Колесникова. «Сейчас решится», — думал он.

— Заподозрил? — сказал Смулов. — Основание?

— Странный выстрел в руку. В левую ладонь.

— Кто?

— Боец Тарыгин. Но возможно также, что неосторожное обращение с автоматом.

— Ожог есть?

— Враг говорит, есть. Но если неосторожное обращение, все равно был бы ожог, товарищ гвардии подполковник.

«Хорошо ведет линию», — с благодарностью подумал Колесников о Махние.

— Какой ход дать, товарищ гвардии подполковник? — спросил Махния. — До этого случая Тарыгин воевал неплохо.

— Откуда вам это известно?

— Так утверждает ваш заместитель по политической части.

— Кому вы поручили расследование?

— Лично повел, товарищ гвардии подполковник.

— Нет. Передайте дело моему политическому заместителю. Это прежде всего политический вопрос. Завтра вечером вы мне доложите, — обратился Смулов к Колесникову. — Но имейте в виду, я проверю ваше сообщение. Садитесь оба. Есть срочное дело.

Махния и Колесников сели к столу, а Смулов положил на стол карту-двуверстку.

— Завтра утром на этот железнодорожный полустанок, — Смулов показал на карте полустанок, — придет эшелон с минометами, минами и прочим. Там грузы и для нас.

«Я скажу ему о Тарыгине», — думал Колесников, — все, как было. Что еще я могу сделать?»

— Так, — произнес Колесников вслух.

— Эти грузы надо получить и доставить сюда.

— Так, — сказал Колесников, думая: «Как будет, так и будет».

Он опустил от того, что почувствовал какое-то странное молчание. Командир полка смотрел на губы Колесникова, словно изучая способ, каким Колесникову удавалось так часто говорить «так». Затем отвернулся от него.

— Надо сделать все быстро. Вагоны держать нельзя. На полустанке мы должны быть к пяти утра. Через двадцать минут по тревоге поднимаем полк. Махния и Колесников посмотрели на свои часы. Было без двадцати минут десять вечера.

— Значит, тревога ровно в десять, — сказал Колесников, пряча часы.

Смулов повернул голову к Махнии, спрашивая взглядом: «Он что, совсем дурак или просто такой словоохотливый?» — на что Махния молча пожал плечами.

«Я вижу», — подумал Колесников, — что здесь лучше рта не раскрывать».

Смулов опять заговорил:

— В лагере остается только боевое охранение. Наряд, посланный на кухню, тоже идет с нами. Завтрак для полка он будет готовиться в пути. Все ли ясно?

Колесников обдумывал приказ командира. В полку остались всего четыре автомашины, одну из них займет полковая кухня. Значит, большинству личного состава придется идти пешком. До железнодорожного полустанка 42 километра, а надо быть там к пяти утра. Времени на этот поход Смулов отвел всего семь часов. Хоть один привал придется делать в дороге? Значит, долгие по крайней мере полчаса. И так, в среднем придется делать в час шесть километров. В принципе это возможно, однако бойцы старого состава изнурены, а новенькие не тренированы.

— Разрешите задать вопрос, — сказал Колесников.

— Разрешаю, — сказал Смулов.

— Сколько минометов будем получать?

— Полностью обновляем материальную часть.

— А мины?

— Два боекомплекта.

— Разрешите доложить, что в полку имеются всего четыре автомашины. Если с этим эшелоном придет для нас и новые автоматы, то будут ли они направлены горючим? На этом полустанке нет складов бензина. Я там бывал.

— Автомашин для нас в этом эшелоне нет.

— Тогда на чем же повезем с полустанка минометы и боеприпасы?

— Вы меня удивляете, капитан, — вежливо сказал Смулов. — Раз нет машин, придется тащить на себе. Это логично, не правда ли?

— Разрешите задать еще вопрос.

Майор Махния, сидя несколько позади Смулова, свирепой мимикой давал знать Колесникову, что не нужно ничего спрашивать.

— Можете задать еще вопрос, — сказал Смулов.

— Поход будет нелегкий. А вы сказали, что в лагере остается только боевое охранение. Но в полку и больные имеются. Им тоже идти?

— Не понимаю и этого вашего вопроса, — все так же вежливо ответил подполковник. — Тяжелобольных, подлинно больных в полку не держат. Их надо основательно лечить. Значит, их отправляют в санбат или в госпиталь. Кого же вы имеете в виду?

Колесникова все более раздражала эта бесстрастность всевластия.

— Легко больных, бойцов с натертыми ногами, — сказал он, назвав первое, что пришло на ум.

— Опять не вольны в толк, — сказал Смулов. — Натертые ноги — это не болезнь, а преступление. Боец, который не может сохранить себя, подлежит наказанию. Он и его младший командир, который за него в ответе. Вы пьечесь о преступниках?

Колесников уставился потускневшим взглядом в пол. Он не желал отвечать на этот вопрос. Для себя он уже сделал вывод. Никогда, во веки веков он не уживется с таким командованием. «Я не смогу, я захохочу», — думал Колесников. — Будет ужасно, если меня не переведут в другой полк».

— Почему вы не слушаете? — донесся до его выключенного сознания резкий вопрос Махнии. Колесников поднял глаза и увидел, что Смулов снова с холодным вниманием смотрит на него.

— Повторю, — сказал Смулов. — Повторю, потому что вижу: с вами что-то происходит.

«Что произойдет, если скажу ему, что со мной происходит?» — подумал Колесников.

— Я сказал, — повторил Смулов, — что наш полк выводится из постоянного подчинения какой-либо армии. Он войдет в состав специализированной дивизии прорыва и будет находиться в резерве главного командования.

«Так», — хотел сказать Колесников, но сдержался.

— Поскольку с вами что-то происходит, — продолжал Смулов, — бесспорно нежелательное, особенно для политического работника, то вам будет полезно узнать, что такие дивизии прорыва сейчас создаются по всей стране.

— Так, — громко раздался в землянке. Колесников невольно покраснел, хотя, как оказалось, это был возглас Махнии.

— Они будут располагать всеми средствами ведения массированного артиллерийского огня, от минометов до срудий, сравнимых по калибру с крепостными. Вам также полезно знать, — ровным голосом продолжал Смулов, — что основное назначение этих дивизий — наступать.

— Даже не подчеркнутые интонацией, очень ровное сказанное слово «наступать» прозвучало в землянке, подобно удару взрывной волны. Колесникова обдало жаром. «Значит, пришло это время, господи, я сам сейчас слышал, вот оно пришло», — думал он. — И мы будем наступать, как же дивизии, этого же никогда не было, как же дивизии, и мы тоже...»

— Пора! — сказал Махния и привал оба кулака к своему сердцу.

— Артиллерийские массы, — не отводя спокойных глаз от мерцающих теперь глаз Колесникова, продолжал Смулов, — будут двигаться в бою нередко вместе с пехотой, не отрываясь от нее. Это почетно, но это трудно. Вы должны усвоить, товарищ капитан, и уметь бойцам внушить, что одна полоса войны кончилась и началась другая. Подчеркиваю это потому относительно усвоения, что пока не заметил в вас должной настроенности. А вы — мой политический заместитель.

Колесников не хотел отвечать на этот укол, он и не воспринял его, он ни о чем уже не думал, а только сидел, подобрал руки и ноги, полусогнувшись, скрывшись, и переживал то, что отныне будет свершаться, поглощая и не насыщаясь.

— Пора наступать, — повторил Махния. — ей-богу, пора!

Он все еще держал кулаки возле сердца.

— Идите! — сказал им Смулов. — Двадцать минут прошло. Поднимайте полк.

Махния и Колесников выбежали из землянки. Огромный, неповоротливый Махния наверху споткнулся, Колесников поддержал его под локоть.

— Спасибо, — сказал Махния.

— Не стоит благодарности, — сказал Колесников.

— Ну что вас погостило с вопросами? — спросил Махния.

— Да черт меня знает, — ответил Колесников.

— Вы в какой дивизии? — спросил майор.

— Могу в первый, если хотите, — сказал капитан.

— Мчитесь, — сказал майор. — А я подниму вторую.

Махния помчался в свою сторону, Колесников — в свою.

Из темноты донесся голос Махнии:

— Будете другой раз спорить со мной, растапа?

— Буду, — ответил Колесников.

И он продолжал бежать к расположению первого дивизиона, думая о том, что война переломилась, пошла в другую сторону и что теперь уже не так существенно, какие они — он сам, и Махния, и Смулов, и в чем они расходятся, и в чем обманены, и вообще все после, все проблемы, и даже Тарыгин, а сейчас всего существеннее то, чтобы полк хорошо прошел 42 километра до железнодорожного полустанка.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Б. РЫМАРЬ

РАССКАЗ

Рисунок В. КРАСНОВСКОГО

восходящую линию. Фашизм, говорил он майору, это всего лишь судорога истории, пароксизм, страшное, но мгновенное событие. Колесников высказал еще ряд подобных мыслей, но оказалось, все это прошло мимо Махнии. Майор в это время наливал водку в стаканы и, выждав паузу в превосходной речи Колесникова, деловито спросил:

— А чем, собственно, будем закусывать?

— Закусывать? — глаза Колесникова еще были устремлены на линию развития мировых сил, а в ушах раздавался скрежет от снятия обоч земных полушарий. — Ах да, закусывать, — сказал он, обратив наконец внимание на стаканы.

Махния, ворча, искал еду, извлек, поставил на стол.

— Ну, это еще терпимо, — сказал он и вдруг быстро спросил: — Почему скрываете предателя?

— Предатель? — недоумоенно спросил Колесников.

— Тарыгин, — сказал Махния.

— Ах так, — сказал Колесников. — Вам уже сказали.

— Я заставлял сказать. Мне нельзя не сказать.

— Тарыгин не предатель.

— Он выстрелил себе в руку. Хотел выйти из игры. Это предательство.

— Он невольно воевал. С парнем просто произошло психологический срыв.

— А в каком? Цельный день скрываете преступление вашего бойца. Видите, какая цепочка?

— Нет цепочки. Есть обыкновенное человеческое сострадание. — Колесников залпом отпил порядочно из стакана. — Люди уже второй год воюют! — почти выкрикнул он.

— Вот вы уже выпили, а меня не подождали, — укорил Махния.

— Извините, — сказал Колесников. — Я не заметил.

— Это тоже часть цепочки. Вы совершенно развинулись. Даже нет самоконтроля. Как же будете других контролировать?

— У вас все на контроле, — сказал Махния. — Но кому вы оставляете необходимость быть непреклонным? Или, может, считаете, это большое удовольствие быть непреклонным?

— Значит, парня расстреляют, — сказал Колесников.

— Вполне возможно. Как решат в трибунале.

Махния, не отрывая стакана от стола, поворачивал его то влево, то вправо и глядел, как волнуется жидкость.

— Ну, давайте, — сказал он и поднял стакан. — При Смулове пить уже нельзя будет.

— Бонтез его?

— Не то слово.

Пить им, однако, не пришлось. Снаружи послышались голоса, рвануло ветром, и в землянку вошли два человека, наполнив ее испарениями морской одежды. Это были новый командир полка Смулов и его адъютант. По знаку Смулова адъютант тут же вышел.

Махния стал поспешно вправлять рубашку в брюки, сказал:

— Мы только завтра ждали вас, товарищ гвардии подполковник.

— Почему? — спросил Смулов.

— Нет.

— Вы кто? — обратился Смулов к Колесникову.

— Капитан Колесников. Вышедший заместитель командира полка по политической части, — ответил Колесников, с противностью думая, за каким занятием их настали и как противостоительно звучат в этой связи слова «политической части».

Смулов сел к столу и провел ладонью по голове. Лицо было у него круглое,

ОТ МИНИСТРА ДО МАСТЕРА

Хотелось бы высказать свои соображения по поводу заметки В. Захарева «Не в личности дело» («ЛГ», № 2, 1970).

Автор пишет о том, что необходимо в первую очередь добиваться лучшей организации труда. Он прав. Но кто же этого будет добиваться, если не люди, роль которых в управлении В. Захарев не признает?

На мой взгляд, усовершенствование системы управления призвано в первую очередь заниматься руководители, хозяйственные работники всех рангов, начиная с министра и кончая мастером производственного участка. И если бы руководящие работники министерств, ведомств, заводов обладали всеми качествами хорошего начальника, то В. Захареву не пришлось бы сидеть без краски. Если бы руководство строителей проявляло должную энергию и чувство ответственности, то, наверное, давно были бы построены и душевные для антейщиков, о которых пишет В. Захарев.

Совершенно не прав автор, утверждая, что в годы коллективизации и индустриализации председатели колхозов, директора заводов играли особую важную роль, а теперь, дескать, нет. Спрашивается, почему? Кто снимает с них спрос и ответственность?

Наоборот, сейчас, с внедрением на предприятиях экономической реформы, когда руководителям предоставляется широкая самостоятельность в решении хозяйственных вопросов, огромную роль играют их личные качества, умение организовать работу, умение работать с людьми, ибо от этого зависит успех дела и темпы технического прогресса.

Г. СОФРОНОВ,
инженер

ОМСК

НА ФАКУЛЬТЕТАХ, А НЕ ФАКУЛЬТАТИВНО

Я с большим интересом прочла материалы, опубликованные в «ЛГ» под рубрикой «Руководители и подчиненный». Мне кажется, что на заре необходимости не только обучать, но и совершенствовать кадры, а не только обучать, но и совершенствовать кадры, а не только обучать, но и совершенствовать кадры.

Следует создать широкую сеть факультетов повышения квалификации руководителей кадров. В этих факультетах обязательно, а не факультативно должны изучаться основы психологии, в частности психофизиологии, физиологии высшей нервной деятельности, логики и эстетики, социальной психологии.

Р. ЛЕВИНА,
профессор, доктор
биологических наук
УЛЬЯНОВСК

ПЛЮС КАЧЕСТВО

В марте минувшего года в Таллинском институте менеджмента состоялась дискуссия на тему «Существует ли в действительности некая рабочая сила?». В результате обсуждения мы пришли почти к тем же выводам, которые высказывал проф. А. Бирман («ЛГ», № 41, 1969 г.). Да, чтобы лучше использовать трудовые ресурсы, нужно энергичнее модернизировать оборудование, сокращать управленческие штаты, привлекать на производство домохозяек и пенсионеров, отказывающихся от материальной регламентации в условиях повышения фондов заработной платы на предприятиях.

К этим четырем источникам, названным автором, следует прибавить еще один — резко повысившееся качество продукции. Простейший пример. Завод электродвигателей, применяя современное оборудование и автоматические линии, затрачивают на изготовление своей продукции очень немногие ресурсы. Однако потребители нередко получают «перебитый» двигатель, расходуя массу сил и времени. Почему? Потому что завод производит, не думая о том, что он производит, а не о том, что он производит.

Объединение предприятий — злободневный и наиболее содержательный вопрос темы «Единство хозяйства». Если в начале реформы мы обращались преимущественно к отдельному предприятию, то теперь главным адресатом хозяйственной политики становятся фирмы, объединения. Нельзя допустить, чтобы создание их стало делом пренебрежительно административным.

Н. ШЕГЛОВ,
заведующий кафедрой
Политехнического института
ТАЛЛИН

НЕФТЯНОЙ ФЕНОМЕН

О сибирском нефтяном феномене наша газета уже писала. На берегах Оби, среди топких болот, буквально на глазах вырастает крупный экономический район. Одним из первооткрывателей тюменской нефти — лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Юрий Георгиевич Эрзев (снимок слева). Сейчас он возглавляет Главтюменнефтегазразведку, руководит большой армией искателей, счастливые находки которых (на среднем снимке — один из таких моментов: пошла нефть!) приумножают энергетическую базу страны.

Наданные Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по ускорению развития нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири открывают перед нефтяниками новые перспективы. К 1980 году здесь добыча возрастет до 230—260 миллионов тонн. Вводятся в строй новые месторождения. Совершенствуются техника, расширяются и научные исследования. На снимке справа — одна из лабораторий Западносибирского научно-исследовательского института нефти и газа.

Фото А. Лидова

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

РОКИРОВКА

В

В. МОЕВ

ДЛИННУЮ СТОРОНУ...

Мне тоже, как Р. Варданян, вспоминается встреча на одной стройке, только с человеком, мало похожим на того главного инженера. Обычно я заглядывал в начальнический кабинет вечером, когда контора пустела, в коридорах шелестела шпатель уборщицы, и лишь он один по завершению привычки оставался сидеть допоздна. Ожили в последние теплые дни, голубым да желтым домашним уютом, а из его кабинета падал на улицу каменный белый свет. Оно светило, как строго недреманное око, и кабинет сидел весьма пожелтевший, притомившийся человек, завалившийся на спину, но тем не менее всегда готовый поблизить их в сторону и поблизить вечером о том, о сем.

Это был многоопытный практик. Ему доставляло удовольствие посвящать в подноготную строительных дел, в которых для него, казалось, не было ничего непонятного или странного. Дурного — пожалуй, но нежелательного? Он мог объяснить все и при этом кругом оставался прав. А участком не выходил из прорыва.

Глядя на этого человека, я как-то впервые дал себе отчет, насколько действительно удобно — искать вину не в другом, а в себе, а как минимум еще через ступеньку. Выгода двойная: во-первых, замечания не можно конкретны, а масштабны, показывают широту ума; во-вторых, критика никогда не возмущается бумажным. А если еще при этом рефреном повторяется, что нужен «хозяин», критика кажется конструктивной, «созидательной» и вполне позитивной.

Словом, вы со всех сторон молодцы.

Начальник участка вечером, вечером обобщившись надобность в «едином хозяйстве».

— Смотрю я на нашу стройку... Пораспустились! Нет порядка, — вздыхал он, будто бы «порядок» совсем не зависел от него лично и других руководителей этой стройки. — Бывало, придет начальник главка — за месяц ждешь, ходишь по стройке. А теперь? Ну, приехал, ну, смотрит, что из этого? И его не боюсь, потому что меня никто не боится.

Вот оно как! Словечко «единый», оказывается, вселено в нем надежду на возвращение к временам, когда администрация методами управления хозяйством передвигала верх над экономическими, научными обоснованиями, надежда на «железный порядок» и «твердую руку» главка, министерства.

К этому сакраментальному словечку «единый», сопровождающему разговоры о «хозяине», вообще стоит прислушаться. Оно очень выразительно, хотя утвердилось не сразу. Но публикация видна, как проходил «естественный отбор» среди многих эпитетов. Ответственный хозяин, настоящий, деятельный. Но нет, не то. А вот «единый» — этот эпитет стал на свое место, как постоянный артикль. Но понимают его разные люди очень по-разному.

Говоря «единый» хозяин, один, как этот наш строитель, ищут просто, за чей бы счет устроить себе легкую жизнь, а другие — люди совсем иного склада — вздыхают о координа-

рующих звеньях управления, об укреплении хозяйства всякого рода хозяйственными взаимодействиями. В этом, действительно, есть большая нужда. Но лучший ли путь к решению этих проблем — новые административные звенья? Не целесообразнее ли связывать надежды с углублением хозяйственных отношений?

Тысячу раз писалось, что предприятия — это «малообъемные» единицы. Между ними медленно растут кооперированные поставки, с трудом прокладывает дорогу специализация производства. Заводы неохотно идут на перестройку, не хотят расставаться с привычным «натуральным хозяйством». Да что перестраивать? Я несколько лет наблюдал за биографией Белорусского автомобильного завода. Он сравнительно молод и родился вполне современным детищем. Ничком заготовительных, вспомогательных, ремонтных служб, только «основное» производство. Но еще в 1966 году директор завода И. Р. Сидорович говорил об этом: «Оборвали нам руки-ноги». С тех пор завод медленно, но верно поднимается к типу традиционного универсального комбината. Даже готовая хорошая схема не выжила под натиском обстоятельств.

В чем дело? Хозяйственники объясняют. До тех пор, пока удельный вес прямых связей и оптовой торговли средствами производства невелик, пока авторитарность хозяйственного договора и ответственность поставщика мало что значат, — до тех пор надежнее во-

всем обходиться своими силами. Это залог устойчивости предприятия и благополучия с планом. Но это и тормоз для умножения взаимосвязей.

В Директивах XXIII съезда партии подчеркивалось: «Строго и последовательно соблюдать принципы социалистического хозяйствования, не допускать необоснованной регламентации хозяйственной и финансовой деятельности предприятий». Реформа развивается в этом направлении, но еще не все ее принципы обрели четкую практическую форму.

Простая вещь. У колхозов уже вошло в обычай: складывать на пах средства и строить общие птицефабрики, консервные заводы и т. п. Межколхозные — пожалуйста. А может ли появиться «межзаводское» предприятие? Могут ли, скажем, несколько заводов сложить деньги из собственных фондов развития и построить общий и вполне современный инструментальный завод, вместо того чтобы возиться со своими мелкими деками? Оказываются, будущая «кооперация» такого детства кооперации совершенно не развита. Кому будет подчиняться завод? Где гарантия, что папачки-основатели получат с него свою долю продукции? И как определить эту долю?

Директор Минского станкостроительного завода имени Кирова А. А. Напачкин говорил мне:

— На строительство жилья мы складываемся с соседями. Тут хорошо, есть авторитетный посредник — горисполком. По линии производства? Кто тут будет посредником? Масса нерешенных вопросов...

Чувствуете? Попадись посредник, еще одна разновидность «единого хозяйства». Причем теперь о нем вздыхают уже не человек, чающий себе поменьше хлопот, а энергичный, толковый хозяйственник, горой стоящий за экономическую реформу. Так складывается крайность. Один — за «единого хозяина», что бы легче жилось, другие — за него же, потому что хотя действительность хотя бы административными методами, раз на экономические рычаги можно опереться еще не всегда.

Добро бы сказать, что трудности временные, преодолеть, что мы просто еще не успели полностью реализовать принципы реформы. Однако одна из основных идей перестройки: предприятия должны иметь широкую самостоятельность, работать на полном хозяйстве — все чаще ставится под сомнение.

Этот неожиданный поворот волнует обычно из размышлений, в сущности, очень явного, современного и важного. Говорят: если заводам и фабрикам дать действительно полный хозяйственный расчет, им придется взять на себя прикладные исследования, конструирование, изучение спроса и т. п.: по большому счету предприятий, средних и особенно малых, это явно не по карману, от

У МЕНЯ собралась по-рядочная коллекция газетных вырезок в таком духе:

«отсутствие единого центра, координирующего работу метрополитенов, приводит к тому, что в организации эксплуатационной деятельности нет единого направления»;

«многотраслевые производства должны иметь хозяина в лице определенного подразделения государственного аппарата»;

«нет единого центра, который занимался бы изучением и разработкой проблем организации освещения»;

«уже сейчас есть необходимость в создании органов, которые координировали бы действия смежников»;

«беда в том, что у туркменских заводчиков нет единого хозяина»...

«Есть необходимость», но «нет единого хозяина» — это стало бродячим лейтмотивом многих выступлений на хозяйственные темы. Где только его не встретили! Озеленителям подая свое повеления, магазинам прогрессивных форм торговли тоже, представьте, позарез нужен «единый специализированный глагол».

В редакцию пришло письмо от нашего ереванского читателя Р. Варданяна, а в письме — тоже коллекция собственноручных выписок, ничуть не хуже. Тут и предложение создать министерство по делам Севера, и требование отбавить под ленту кому-то одному много-много проблемных выпусков, и слезный запрос о выделении мелкой монеты: «Кто займется размером денег? Кто станет хозяином...» и много других конструктивных идей и предложений. Читатель даже советует для изучения их создать «Единый Координационный Центр» (заглавные буквы автора). — В. М.), так сказать, единого хозяина по вопросу о единых хозяевах.

Что если бы да вдруг бы в один прекрасный день все организационные «бы» осуществились? Попробуйте вообразить: открываются какие-нибудь триумфальные ворота — музыка, танцы — и на свет божий появляется новая рать нацеленных служащих «определенных подразделений государственного аппарата».

Вот парад! Но остаются шутки, уважаемый читатель. На учрежденческий раж, о котором идет речь, право же, стоит посмотреть серьезно. Откуда он? С чего эта навязчивая идея? Вполне вероятно, что среди массы предложений есть и деловые, готовящиеся к реализации, если вдуматься, как логично встает. Но все-то ажотаж — откуда он?

Да, в современных условиях роль управления неслучайно возрастает, оно должно строиться на научной основе.

Да, структура управления нашим хозяйством нуждается в совершенствовании, строить более рационально, памятуя при этом о таких вещах, как ликвидация ненужных звеньев, установле-

ние разумного соотношения прав и обязанностей, власти и ответственности на всех уровнях.

Но тогда почему же так часто предлагаются пренебрежительно «рокировки в длинную сторону», которые не сокращают, а надставляют управленческие звенья? Эффективное решение в том, чтобы сделать более гибкими, способными работать в меняющихся условиях нынешние органы хозяйственной власти, а не в том, чтобы плодить все новые и новые учреждения. Так почему же сокращению административных штатов аккомпанирует однообразная нота — «создать», «учредить»?

В СВОЕМ письме Р. Варданян рассказывает, что работал на одной стройке. Там порой доходило до курьезов. Надо соединить трубопровод на границе двух цехов — уже дискуссия: кому делать? «Но, к счастью», — говорит в письме, — у нас был исключительно грамотный и опытный главный инженер, который на удивление быстро и умело решил такие споры». Действительно, статистика картина. На посту руководителя — энергичный человек, который умеет решать, когда нужно решать. И все в порядке, от «проблемы» остаются рожи да ножки. Но вот окажись на его месте рохля, да еще склонный к «глубокой философии», и пошла писать губерния: поряе нам создавать специальные конторы «стыкострой». И сколько еще заявлено бы таких же блестящих проектов, если бы ввиду на ответственности поста сидели люди, верные правилу «решай, не тратишь попусту, да и нужно власть употребить»!

В нашей хозяйственной реформе заложено особое доверие к руководителю. Ему дается больше прав, самостоятельности, и предположение, что в ответ руководитель поведет себя энергичнее, инициативнее, ответственнее. Иначе к чему права? На потребу самолюбия? «Права даны для наилучшего исполнения обязанностей», — записали в «Советах руководителей» на одном заводе.

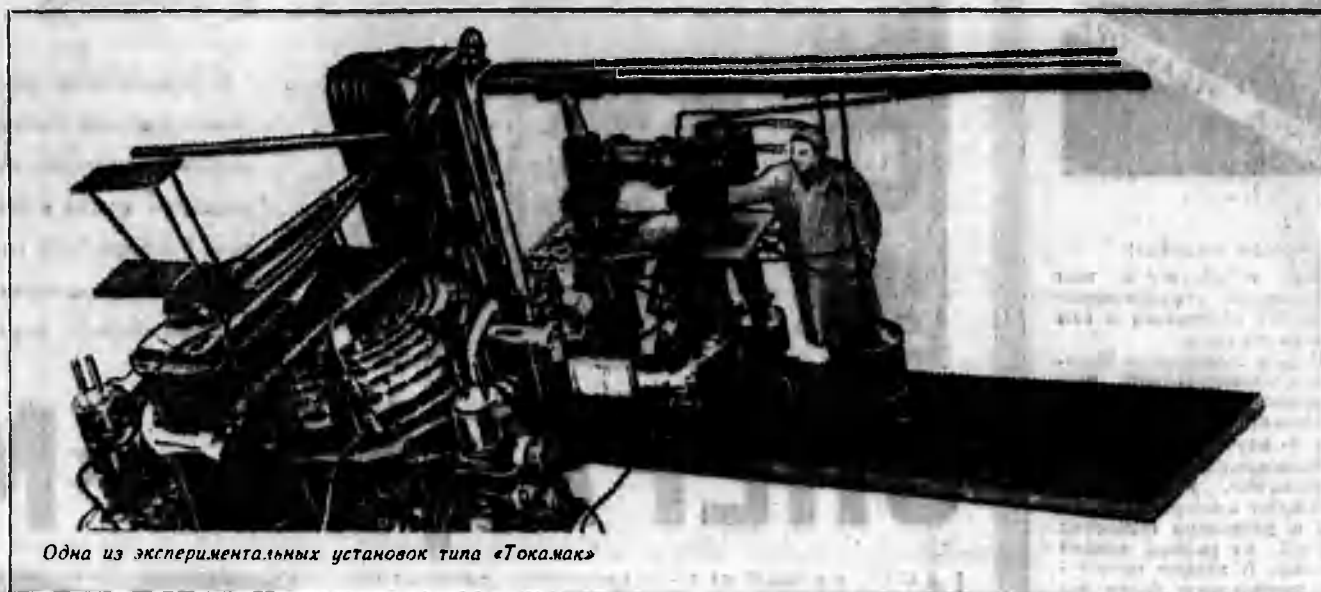
Как известно, декабрьский (1969 г.) Пленум ЦК партии потребовал, чтобы министерства и ведомства быстрее овладевали методами научно обоснованного, действенного и гибкого управления. Это долг каждого руководителя работника, а ныне из них все стараются увильнуть от четких решений, пытаются снять с себя ответственность за те или другие неуважки и переложить вину на дядю. Нужен, мол, особый «дядя» — «дядя-хозяин», да еще к тому же и «единый», только его сначала надо найти, да в избу привести, да в красный угол посадить, да пирогами накормить, а тогда уж и ответа ждать. Видно, кое-кому из хозяйственных руководителей хотелось бы оставаться ответственными работниками, ни за что не отвечая.

ЗАПОМНИТЕ ЭТО ИМЯ— «ТОКАМАК»!

ОТКРЫТИЯ
СЕМИДЕСЯТЫХ
ГОДОВ

ПЕРЕД НАУКОЙ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ НАШЕГО ВЕКА СТОЯТ НЕСКОЛЬКО ТРУДНЕЙШИХ ЗАДАЧ ГЛОБАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ. К НИХ ЧИСЛУ ОТНОСИТСЯ ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УПРАВЛЯЕМОЙ ТЕРМОЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ ДЛЯ МИРНЫХ СОЗДАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ, И ВОТ СЕГОДНЯ ВСЬ МИР ГОВОРИТ О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ДОСТИЖЕНИИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ, СДЕЛАВШИХ РЕШИТЕЛЬНЫЙ ШАГ ВПЕРЕД В ЭТОЙ ВАЖНОЙ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ.

РАССКАЗОМ ОБ ЭТОМ ВЫДАЮЩЕМСЯ УСПЕХЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ МЫ НАЧИНАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПОД РУБРИКОЙ «ОТКРЫТИЯ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ», В КОТОРЫХ БУДЕМ ЗНАКОМИТЬ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С САМЫМИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ МИРОВОЙ НАУКИ.

Одна из экспериментальных установок типа «Токамак»

РЕЗУЛЬТАТЫ, ДОСТИГНУТЫЕ НА СОВЕТСКОЙ УСТАНОВКЕ «ТОКАМАК-3», ПОКАЗАЛИСЬ НАСТОЛЬКО СЕНСАЦИОННЫМИ, ЧТО КОЕ-ГДЕ БЫЛИ ВОСПРИЯТЫ С НЕДОВЕРИЕМ... И ВОТ В ОДИН ИЗ ДНЕЙ МИНУВШЕГО ГОДА, ПОГРУЗИВ НА БОРТ ВОЗДУШНОГО ЛАЙНЕРА ПЯТЬ ТОНН УНИКАЛЬНОГО ИЗМЕРИТЕЛЬНОГО ОБОРУДОВАНИЯ, ГРУППА АНГЛИЙСКИХ УЧЕНЫХ ПО ПРИГЛАШЕНИЮ СОВЕТСКИХ КОЛЛЕГ ПРИЕХАЛА В СССР, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ «ДОСТИЖЕНИЕ РУССКИХ» СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ. ПОСЛЕ ЭТОГО В МИРОВОЙ ПЕЧАТИ ПОЯВИЛИСЬ ОТЛИКИ, КОММЕНТИРУЮЩИЕ УСПЕХ СОВЕТСКИХ ФИЗИКОВ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ МЫ СЕГОДНЯ ВОСПРОИЗВОДИМ.

Возможно, многие ожидают более конкретных прогнозов, вытекающих из успеха советских физиков. Мне кажется, об этом говорить еще рано. Физики должны быть осторожны во всяких предсказаниях и оценках. Характерен, например, такой случай. В зарубежной печати, в откликах и комментариях по поводу успеха «Токамака» содержалось утверждение, что русские-де сами недооценили свой успех. На самом деле английские физики, приехавшие для измерения температуры плазмы, обнаружили, что она на 10 процентов выше, чем по опубликованным советскими учеными данным. В действительности это не означает «недооценки», а свидетельствует об осторожности. Для ученых важна не сенсация, а надежность, достоверность результатов. На мой взгляд, вообще следует избегать сообщений в широкой печати всяких сенсационных, поразительных результатов. Пока еще все вопросы, связанные с экспериментами на «Токамаке», решают физики — для них здесь много нового и неясного.

В Дубне состоялась международная конференция, почти целиком посвященная этой проблеме. Были сделаны интересные научные доклады, в частности по итогам совместных советско-английских экспериментов на «Токамаке». Наши иностранные коллеги задали такое количество вопросов, что пришлось устроить дополнительное заседание, не предусмотренное программой. Некоторые зарубежные лаборатории проявили большую оперативность — уже на этой конференции доложили о проектах экспериментальных установок, использующих принцип «Токамака». Эти проекты представлены ими также на рассмотрение тех инстанций, от которых зависит финансирование научных исследований.

Осуществление этих проектов, безусловно, смогло бы ответить на многие вопросы, в настоящее время волнующие физиков. И вот тогда можно будет дать обоснованный прогноз, как быстро возникнут термоядерные электростанции, основанные на этом принципе, и причем такие электростанции, которые были бы действительно конкурентоспособными по сравнению с имеющимися.

Ученым остается еще решить комплекс труднейших научно-технических проблем, затрагивающих такие сложные вопросы, как создание сильных магнитных полей, высокого вакуума и чистоты, поиск материала, выдерживающего высокие температуры. В этих областях техники каждый год, каждый день могут принести совершенно неожиданные открытия, которые способны существенно изменить любой прогноз, относящийся к срокам создания промышленных термоядерных электростанций (в лучшую сторону). Например, если бы мне завтра сказали, что удалось получить сверхпроводник при комнатной температуре, то я, не колеблясь, сбросил бы лет десять с имеющихся прогнозов.

В атомном горючем и окислительной смеси энергии нет. Суммарный запас радиоактивности в термоядерной станции будет в миллионы раз меньше, чем в атомной той же мощности. В случае аварии реактор может только погаснуть, но не развалиться. Это очень важные достоинства. Не говоря уже о том, что «мест, отдаленных от населенных пунктов», становится все меньше, электричество и тепло нужны именно в населенных пунктах. Термоядерная станция, помещенная в центре города, будет снабжать его не только светом, но и теплом, которое пойдет на нужды промышленности и на отопление жилищ. Атомная электростанция, расположенная вдали от города, сбрасывает это тепло в водоемы, реки или в воздух.

Такой образцовый, использование в будущем термоядерных электростанций поможет человечеству одновременно с производством энергии решать и часть других важных для него задач.

Заглянув в век термоядерной энергии, мы не видим миниатюрных реакторов, пригодных для «термояза» или «термобилля». Большинство термоядерных станций — это крупные капитальные сооружения, мощностью в миллионы киловатт, подобно Кубинской или Братской ГЭС. Но мы вправе представлять себе чистые города с плотным электроснабжением. Города, не знающие бензиновых двигателей и копоти, сидящей на снег через час после его выпадения. Мы представляем себе опреснительные станции, дающие воду людям, полям и промышленности. Заглянув в термоядерный век, мы увидим все то, чем будет располагать человек, обладающий мощными источниками энергии.

В передовых промышленных странах производится электричество каждые 10 лет. Это темп, который еще долго. За этим темпом должно поспевать производство ядерного топлива. Для бридеров — это дорогой, сложный, еще не освоенный процесс. Для термоядерного реактора он чрезвычайно прост.

В передовых промышленных странах производится электричество каждые 10 лет. Это темп, который еще долго. За этим темпом должно поспевать производство ядерного топлива. Для бридеров — это дорогой, сложный, еще не освоенный процесс. Для термоядерного реактора он чрезвычайно прост.

В ПРОШЛОМ году, выступая на страницах «ЛГ», академик Л. Арцимович сказал, что термоядерной энергетике предстоит пройти еще многолетний путь, прежде чем она составит значительную долю в мировом энергетическом балансе и докажет свою конкурентоспособность по сравнению с известными методами получения энергии.

Но в последние недели прошлого года в ряде зарубежных газет и журналов появились сообщения о новом успехе, достигнутом группой советских ученых, возглавляемой академиком Л. Арцимовичем. Не означает ли это, что он сам был слишком пессимистичен всего лишь год назад?

Что же произошло? Что случилось с плазмой в магнитной ловушке «Токамак»?

За последние 2—3 года на этой установке в Институте атомной энергии имени Курчатова получены замечательные физические результаты. Суть дела состоит в том, что в течение 15 лет физикам не удалось преодолеть «предел Бомы», установленный американским физиком и ограничивающий возможность стабильного удержания плазмы. Вообще говоря, неизбежность этого предела никогда не была строго доказана. Это — лишь гипотеза, выдвинутая на основании эмпирических данных. В последние годы были сделаны важнейшие теоретические исследования, и решающий вклад внесли советскими учеными. В них предсказаны возможности избежать плазму от ряда неустойчивостей и существенно преодолеть «бомовский предел». Экспериментальные результаты показали, что мы находимся на правильном пути. Но это отнюдь не означает, что теперь открыта широкая столбовая дорога к термоядерной электростанции. Я бы сказал, что значение этого успеха можно сравнить с первым доказательством теоремы существования устойчивого удержания плазмы. И точно так же, как первое доказательство часто бывает не самым коротким и оптимальным, так и нынешние установки типа «Токамак», по-видимому, являются лишь отдаленным прототипом термоядерного реактора будущего.

Например, тепловая энергия плазмы в этих установках в сотни раз меньше энергии магнитного поля — такова цена, которую пока приходится платить за устойчивость плазмы. Температура ядер дейтерия сравнительно низка: еще предстоит решить сложную проблему нагрева. В общем, еще рано рассчитывать экономический эффект от термоядерных станций. Рано прекращать поиски путей к обдуванию горячей плазмы, отличающейся от пути, по которому идет «Токамак» и проектируемые вслед за ним в зарубежных лабораториях его близнецы «Принстон-мак», «Ор-мак», «Текса-мак», «Андромед-мак» и так далее (увы, в науку тоже посочислились законы моды).

До недавнего времени вся энергетика базировалась на химическом топливе — угле, нефти, газе — и на гидроэнергетике. В принципе ее с избытком достаточно для покрытия всех потребностей населения земного шара. Но это пока только мечты, а реальная энергетика ближайших десятилетий, да и, по-видимому, сейчас человеку, или какой-либо другой способ регулирования потока энергии, идущей от Солнца. В принципе ее с избытком достаточно для покрытия всех потребностей населения земного шара. Но это пока только мечты, а реальная энергетика ближайших десятилетий, да и, по-видимому, сейчас человеку.

Профессор И. ГОЛОВИН,

доктор физико-математических наук,
лауреат Ленинской премии

ПРОГРЕСС НАУКИ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

не играют и не будут играть существенной роли в промышленности мира в целом, хотя и полезны в местных условиях. Нашего главного современного топлива не так уж много. По оценкам пессимистов разведанных и прогнозируемых запасов хватит лишь на ближайшие 100 лет. Оптимисты называют срок 150 лет. А что же дальше? Сегодня мы можем сказать только одно: дальнейшая ядерная и термоядерная энергия.

Мечтая о более далеком будущем, мы предположили бы фотосинтез, еще не подни-

мому, всего XXI века, будет основана на реакциях деления тяжелых и синтеза легких атомных ядер.

Атомная энергетика уже стала реальностью. Работают атомные электростанции, сжигают природное ядерное топливо — уран-235. Запасы его невелики. Расчеты показывают, что если всю растущую атомную станцию перевести на это топливо, то его ресурсы будут сожжены за несколько десятков лет. Можно, однако, некоторые «непокорные» радиоактивные урана и тория превращать

ПИОНЕРЫ — СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ

АНГЛИЙСКИЕ ученые с помощью доставленного в Москву научного оборудования, весомого 5 тонн, проверили сообщения советских специалистов, встреченных на Западе с недоверием, и установили, что русские недооценили свой успех в попытке обуздать «энергию водородной бомбы». Они наглядно доказали, что советская установка, известная под названием «Токамак-3», вырабатывает «нагретый газ», или плазму, которая должна быть больше, чем оговорено в необходимых условиях, чем об этом сообщали русские.

Достижение советских уч-

ных дало новый толчок усилиям, направленным на создание реактора, использующего при работе реакцию синтеза, которая происходит при очень высоком давлении и температуре, подобных тем, какие имеют место в солнечном ядре и заставляют эту звезду светить и посылать тепло на Землю. Примерно аналогичные условия создаются на короткое мгновение при взрыве водородной бомбы, который осуществляется с помощью превращения атомного ядра (или реакции деления).

«Интернэшнл геральд трибюн»

ПАРИЖ

ТРИУМФАЛЬНЫЙ «ТОКАМАК»

ИЗВЕСТНЫ два основных способа излучения ядерной энергии — ядерный синтез и расщепление ядра, но ядерный синтез обладает более значительным потенциалом, бесспорно, самым значительным. В руках военных ядерный синтез превратился в водородную бомбу — устрашающее устройство, способное разрушить все живое. Однако если эту фантастическую мощь удастся сделать контролируемой, она послужит человечеству как источник необятных количеств энергии в виде тепла и электричества, не давая загрязнений атмосферы или радиоактивных осадков.

В настоящее время, согласно последним сообщениям, в СССР достигнут замечательный прогресс на пути к решению этой невероятно трудной научной проблемы. Сказавши напомним, что при ядерном синтезе ядра легких элементов (например, водорода) сливаются под воздействием внутренних сил, образуя более тяжелые ядра (в данном случае — гелия). При этом высвобождается энергия в виде тепла и излучения. Однако слипанию ядер мешает то, что они обладают положительными электрическими зарядами: поэтому сила их расталкивания как одноименных зарядов больше, чем действие ядерных сил сцепления на расстоянии, не очень близких. Для преодоления электрических сил расталкивания нужно ускорить ядра тем или иным способом до весьма высоких скоростей и большого числа соударений друг с другом. В известных установках процесс ускорения ядер водорода сопровождается превращением нейтрального холодного водорода в газ, нагретый, как при взрыве, в токопроводящую плазму.

Русские физики создали машину для управляемого термоядерного синтеза, напоминающую своей формой букву «П». Назвали они ее «Токамак-3». В этой машине происходит столкновение и слипа-

ние ядер тяжелого водорода. В апреле 1968 года русские объявили, что им удалось создать плазму с температурой почти в 10 миллионов градусов по Кельвину, причем плазму удалось поддержать в таком состоянии в течение одной пятнадцатой секунды, мощными магнитными полями удерживая ее от соприкосновения со стенками установки. Этот прорыв по своей трудности можно сравнить с попыткой пожарника ступить в воду из брандспойта не дав ему прикоснуться к стенам дома.

Это заявление русских было воспринято довольно скептически многими западными учеными, в том числе американцами, пытающимися добиться аналогичного успеха несколько лет при помощи четырех методов получения управляемых термоядерных реакций, отличающихся от методов русских ученых. В ответ на этот скепсис советский академик Лев Арцимович предложил доктору Р. Себастьяну Пизу, главе Каледонской лаборатории (Оксфорд, Англия), проверить своими инструментами результаты советских экспериментов. Дело в том, что именно британские ученые преуспели в разработке так называемой лазерной методики измерения плотности и температуры плазмы, заключающейся в пропускании сквозь плазму светового луча лазерного излучения. Эта методика отличается тем, что ее использование не приводит к нарушению исследуемого плазменного процесса. По измерениям рассеяния плазмой лазерного луча можно судить об условиях внутри плазмы.

И вот британские ученые провели измерение свойств плазмы в «Токамаке», причем потратили на эту проверку несколько месяцев. Сейчас они объявили, что советские претензии вполне обоснованы.

НЬЮ-ЙОРК

«Ньюсвик»

ИСКУССТВЕННОЕ СОЛНЦЕ — НЕ ОТДАЛЕННАЯ МЕЧТА

ПЛАНЫ освоения реакций ядерного синтеза долго оставались мечтой. Если бы удалось создать надежные термоядерные реакторы, человечеству более не грозил бы энергетический голод.

Но вот ученые уже принялись обсуждать технические и финансовые перспективы создания термоядерных электростанций, хотя еще пару лет назад они тщетно пытались решить безнадзорную, казалось бы, задачу удержания горячей плазмы в своих установках.

В 1969 году советские ученые преодолели фундаментальнейшую трудность на пути к «Токамаку». Теперь речь идет о более конкретных вопросах создания термоядерных электростанций, поскольку советские работы вселили в физиков всего мира уверенность в возможности удержания горячей плазмы в течение нужного времени — от одной десятой до целой секунды.

Теперь идут споры о размерах и сроках создания огромных плазменных установок — до десяти метров в поперечнике и до тридцати длиной. Это позволит вплотную подойти к решению проблемы термоядерной энергии для электростанций на промышленном уровне. Конечно, для их создания придется решить немало трудней-

ших проблем, теперь уже на принципиально физических, а скорее инженерных. Если инженеры даже и справятся со своими задачами, то найдут ли они при этом экономические выгоды варианты установок? На прошедшей в Каледонской лаборатории конференции было высказано, что промышленные установки для термоядерного синтеза должны быть, по-видимому, тысячекратно дешевле, чем существующие реакторы. Однако специалисты по экономике утверждают, что в ближайшие 20—30 лет даже ближайших дорогостоящих разработок не будет достигнуто явное преимущество термоядерных электростанций перед электростанциями, работающими на расщеплении ядер и дающими с каждым годом все более дешевую электроэнергию.

Однако для метастабильности физических оценка стоимости электроэнергии — аргумент не решающий. Они считают главным соображением то, что в далекой перспективе все равно наступит истощение известных видов топлива и очередь так или иначе дойдет до использования термоядерной энергии, призванного спасти человечество от нехватки энергии.

«Обсервер»

ЛОНДОН

РАЗВИТИЕ общества неизменно связано с ростом энергооборуженности человека. Когда наш первобытный предок овладел огнем, он сразу высоко поднялся над животным миром. Изобретение пороха, век пара, век электричества, наконец, атомная эра — все это ступени развития энергетик, качественно менявшие условия жизни на земле. Будущее неминуемо без обильных ресурсов энергии, подчиненных человеку.

Дальнейшее развитие транспорта и всех видов связи, кондиционирование жилищ как в холодных, так и в жарких полосах земли, превращение пустынь в болот в цветущие сады, обогреть обширные суровых районов и превращение их в населенные благодатные края, рост всех видов промышленности, от тяжелой до производства продуктов питания, наконец, увеличение производительности труда человека во всех видах его деятельности — все это сделает рост энергии.

Создание управляемых термоядерных реакторов — не просто частная задача физиков, увлеченных «чистой» исследовательской работой. Это решение важно для судьбы мира. Поэтому на Второй международной конференции по мирному использованию атомной энергии в Женеве уже в 1958 году все работы в этой области были рассекречены и установились плодотворное международное сотрудничество ученых.

Как известно, проблема управляемых термоядерных реакций решалась в 1930 году. Большой вклад в развитие физики горячей плазмы внесли советские ученые. Особенно ценные теоретические исследования выполнены академиком

Р. Сагдеевым и членом-корреспондентом Академии наук СССР В. Кадомцевым. Наиболее важные экспериментальные результаты получены в лабораториях, руководимых академиком Л. Арцимовичем.

На серии установок типа «Токамак» (название это возникло из сочетания слов «Токамак» и «Камера с Магнитным полем») из года в год растет температура и время удержания плазмы. В настоящее время на самой большой из них — «Токамак-3» — получены результаты, которые можно считать лучшими в мире. Плазма в «Токамаке-3» по всем показателям в совокупности наиболее близка к той плазме, которая будет в термоядерных реакторах. Несколько лет назад хотя бы один из параметров — температура, плотность, время удержания или объем — получался в любой установке во много раз меньше «реакторного».

Успехи на «Токамаках» важны потому, что доводят до предела, на который окружают затнувшиеся исследования плазмы. Они укрепляют уверенность физиков в возможности плазмы и достигают конечной цели.

Борьба за термоядерный реактор идет не только на фронте «Токамаков». Изучаются открытые и замкнутые магнитные ловушки разных типов, различные варианты импульсных систем. До постройки экономически выгодных термоядерных электростанций еще огромная работа. Трудно назвать сроки, но первая такая станция будет построена, по видимому, позже 1990 года. Прогнозы более поздних событий еще менее надежны.

Академик Р. САГДЕЕВ

НА ПУТИ К ТЕРМОЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

ЧТО ЖЕ МЕШАЕТ ЗАЩИТЕ?

член Московской городской коллегии адвокатов

СЛУЧАЙ В ОЧЕМЧИРА

счетах павшие на него пытались
этот нож выбить у него

О ДЕЛАХ ГРАЖДАНСКИХ

Г. ЛЮБАРСКИЙ
член Московской городской
коллегии адвокатов

«ЛЕНИН. СОЦИАЛИЗМ. ЛИТЕРАТУРА»

ЭТОЙ теме была посвящена творческая встреча болгарских и советских писателей, которая проходила в Москве 28 и 29 января. Она являлась как бы продолжением двусторонней творческой конференции, состоявшейся в конце прошлого года в Софии, в которой принимали участие советские литераторы.

На этот раз в Москву прибыл — член Руководящего совета Союза болгарских писателей, лауреат Ди-

митровской премии, Герой Социалистического Труда поэт М. Исаев (глава делегации), лауреат Димитровской премии поэт О. Орланов, заместитель главного редактора журнала «Пламък», литературовед В. Колесник, главный редактор журнала «Родна реч» И. Цветков, критик, сотрудник газеты «Литературен фронт» М. Манолова, прозаик К. Георгиев, поэт Г. Струмски, критик Ч. Добрев.

С советской стороны во встрече принимали участие многие прозаики, поэты, дра-

матурги, критики, переводчики, журналисты.

Заседание открыл секретарь правления Союза писателей СССР В. Овсеев. Он подчеркнул важность глубокого творческого обобщения путей развития социалистической литературы, основополагающих принципов марксистско-ленинской эстетики, которые являются могучим оружием в современной идеологической борьбе.

От имени болгарских писателей с приветственным словом выступил М. Исаев. «Мы рады, — сказала она, — что

наша встреча проходит в науку великого правления — столетия со дня рождения В. И. Ленина. Сейчас, когда мы собрались, чтобы поклониться мудрости гения Ленина, нельзя представить себе успехов нашей литературы без больших гуманных прогрессивных идей Октябрьской революции, организованной и совершенной великой партией Ленина, доблестными советскими рабочими и крестьянами».

С докладом на встрече выступил В. Колесник — о значении ленинского наследия

для развития болгарской литературы, Л. Фоминко — об основных тенденциях современной прозаической литературы.

Книжки о Ленине в Болгарии и СССР, огромная роль ленинского эстетического наследия в современной идеологической борьбе, значение революционной темы в воспитании коммунистической морали, задачи, стоящие перед писателями, работающими над ленинской темой, — все эти и многие другие вопросы оказались в центре серьезного и вдумательного

разговора. В прениях выступили: М. Лисанский, Н. Манолова, Г. Брейбург, О. Орланов, Ю. Тонифонов, А. Турков, В. Шибров, К. Георгиев, О. Релин, И. Цветков, М. Пархоменко, З. Воскресенская, Ч. Добрев, А. Руднева, М. Исаев, Д. Старики, Г. Струмски, И. Гривберг, А. Дайч, М. Придмарева, В. Осинов, С. Ф. Антонов, В. Паликов.

Болгарские гости побывали в редакции журналов, издаваемых в Союзе писателей.

Алим
КЕШОКОВ:

ПИСАТЕЛЬСКИЕ
КОНТАКТЫ

ВСТРЕЧИ В НИГЕРИИ

В прошлом году в Нигерии побывала делегация Союза писателей СССР в составе А. Кешокова, Ю. Матвеева и литературоведа В. Рамзеса. Корреспондент «ЛГ» попросил главу делегации Алима Кешокова поделиться впечатлениями об этой поездке.

Немало, наверное, находил человек, который первый сказал: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», но его дорога вряд ли была длиннее, чем путь от Москвы до Лагоса — столицы крупнейшего африканского государства Нигерии. Согласно последней переписи, в Нигерии проживают около 60 миллионов человек, но, к сожалению, количество населения далеко не пропорционально числу читателей. Об этом не без горечи говорил известный нигерийский писатель Амос Тутуола, пригласивший нас, советских писателей, в студию радиовещания на «круглый стол». Казалось, что наша беседа должна была сразу же передаваться в эфир. Однако Тутуола поспешил объяснить, что эта комната — единственная, где он может поговорить с нами, так как у него нет не только кабинета, но и даже своего рабочего стола. Да и должность его в радиокomite не велика. И нам хотелось думать хорошо об авторе письма.

Тот, кто хоть немного знаком с удивительными произведениями Тутуолы, ощущает, что истинное творчество этого писателя — богатейший фольклор Нигерии. Многие произведения Амоса Тутуолы переведены на европейские языки и пользуются немалым успехом. Мы с удовольствием подарили ему его книгу в русском переводе, вышедшую в Москве.

Таким же человеком, полностью посвятившим себя делу просвещения и воспитанию нового поколения нигерийцев, своего рода африканским Макаренком, мне показался Тай Солари, учитель по своему складу души и характера, педагог в высоком смысле этого слова.

Мы были в школе, которую он основал. Она напоминает школу коммунистических лет Советской власти.

Обучаются в ней около семисот человек. Школа имеет свое подсобное хозяйство — ее главный, помимо платы за обучение и периодических пожертвований со стороны отдельных меценатов, источник доходов в школе, кроме Тай Солари, трудятся еще тридцать учителей. Но трудно сказать, когда они в последний раз получали зарплату.

Свою педагогическую деятельность Тай совмещает с литературной, пишет критические статьи, страстно желает нести знания в массы.

И еще одна встреча с известным нигерийским писателем — Шоинна. Спектакль, поставленный по его пьесе «Урожай Конги», стал событием культурной жизни Нигерии. С трудом нам удалось попасть на это представление, нас провели кулисы, потому что иначе проникнуть в зал было нельзя.

Зрительный зал был переполнен. В ходе представления терлась грань между залом и сценой. Зрители своим энтузиазмом, непосредственностью восприятия, неунывающим темпераментом как бы участвовали в действии, происходящем на сцене. И нам хотелось думать хорошо об авторе пьесы.

Но вот под его председательством проходит литературный вечер в институте международных отношений в столице Нигерии, на котором выступили главным образом советские писатели и он сам. Шоинна вел себя неуважительно по отношению к советской литературе. Этим он оставил горький осадок в наших сердцах, испортил впечатление, которое произвела на нас его пьеса.

Чтобы наши связи с литературными кругами стран были плодотворными, нужны встречи, рождающие новые встречи. Это крайне необходимо, ведь во многих странах, пострадавших от колониализма и ставших на путь самостоятельного развития, о литературе социалистических стран продолжают судить по старинке, с чужих недоброжелательных голосов.

Макс — военные расходы, мисс — расходы на социальные нужды. Так распределяются ассигнования в бюджете США.

Генрих БОРОВИК,
собственный корреспондент
ЛГ и «Литературной газеты»

ЖЕРТВЫ УГОЛЬНЫХ БАРОНОВ

ИХ ХОРОНИЛИ в морозный день. Нынешний январь здесь необычно холоден, даже холоднее рекордного января 1916 года. Дул сильный ветер. Кладбище было засыпано глубоким снегом. Машин, на которых везли три закрытых ящика гроба, буксовали. Их приходилось толкать руками.

Паворно, на вершине кладбищенского холма к месту были бы солдаты, ружейный салют и каскады на крышке гроба с телом Джозефа Яблонски. Ведь он погребен на посту. И многие из тех, кто пришел в тот день попрощаться с шахтером и его семьей, достойны называться солдатами в самом большом и благородном смысле этого слова. А угольная пыль, вьющаяся в лица и легкие, глаза с постою красными веками — разве это не следы тяжелой и часто кровавой борьбы?

С момента расправы над Джозефом Яблонски, его 57-летней женой и 25-летней дочерью, убитыми накануне Нового года, прошло меньше месяца, но нить к преступлению тянется с давних пор, уже несколько десятилетий.

Не раз здесь, в Соединенных Штатах, я видел искаженные горем женские и детские лица, когда после очередного взрыва или обвала в шахте на поверхность извлекают трупы. Не раз я видел демонстрацию апалачских горняков — участников движения «черные легкие». Они требовали от шахтоладельцев улучшения техники безопасности, борьбы против «тихого убийства» — угольной пыли, которая превращает человека к 40 годам в инвалида.

Одна из самых крупных катастроф на шахте в Западной Вирджинии осенью 1968 года стоила жизни 87 шахтеров. Движение против угольных компаний и руководства объединенного профсоюза горняков, которое находится полностью в руках шахтоладельцев, возглавил 59-летний Джозеф Яблонски из городка Кларксвил в Пенсильвании.

Яблонски вырос среди горняков, он видел, как погибали люди в шахтах, видел, как погиб его отец. Рядом шахтеры выдвинули кандидатуру Яблонски в президенты профсоюза против Тони Боула, занимающего этот пост с 1963 года. Кроме шахтеров, Яблонски поддерживали три врача из Западной Вирджинии — Уоллес, Рамуссен и Бафф, а также конгрессмен Хеклер.

НАЧАЛОСЬ с угрозы. Доктор Уэллс обнаружил в бензобаке самолета, на котором собирались лететь на митинг горняков, осевшие шипы на колесах. Полет мог оказаться для него последним. Через неделю, вернувшись с митинга в Индианаполис, где он выступил в поддержку Яблонски, Уэллс увидел, что все вещи в доме перерыты.

После предвыборного митинга в Спрингфилде (штат Индианаполис) на Яблонски было совершено покушение. По мнению докторов, он счастливо отделался. Придись удар по позвоночнику на дюйм левее или правее, Яблонски был бы парализован.

По телефону и в письмах неизвестные грозили убить Джозефа. Организатор его избирательной кампании Майк Триверс отправился в министерство труда.

Я посетил одного из помощников министра труда, — рассказывал Триверс, — и сказал ему, что, если не примут строгих мер, Яблонски будет убит... Он слушал меня, перед ним лежал блокнот, но он не записал в этот проклятый блокнот ни одного слова.

Доктор Уэллс обратился к министру юстиции Джону Митчеллу.

— Единственно, о чем мы просили, — рассказывал доктор, — объявить о посылке наблюдателя на выборы. Черт возьми, не надо было даже посылать наблюдателя. Просто объявить об этом. Но Митчелл даже не ответил нам.

9 декабря был день выборов руководства профсоюза горняков. «Яблонски

потерпел поражение на выборах в декабре, хотя он получил равное или даже большее число голосов почти во всех избирательных участках, где нашлись мужественные люди, чтобы наблюдать за законным проведением выборов», — писал журнал «Лайф».

Итак, Яблонски потерпел поражение, но он не прекратил борьбу. В интервью он сказал, что «результаты выборов украдены». И его друзья вместе с ним подали в суд обвиняя руководство профсоюза горняков в двух преступлениях: первое — фальсификация выборов, второе — Тони Боул в течение шести лет раздал своим подручным несколько миллионов долларов из профсоюзного фонда.

УБИТЫХ — Джозефа и членов его семьи — обнаружили лишь через неделю сын Яблонски, юрист, который приехал в Кларксвил, встревоженный тем, что телефон родителей не отвечал.

Я помню спокойное лицо Тони Боула, выступавшего в тот вечер по телевидению. Он говорил: — Я возмущен. Я удручен. Он был моим противником, но я не хотел его смерти. Всякое подозрение, что в его гибели было заинтересовано руководство профсоюза, должно основываться на доказательствах. Яблонски и члены его семьи — это не выборы, но зачем это делать после?

И Боул развел руками. О нет, для врагов Яблонски в убийстве был большой смысл. Не только практический, связанный с возможными свидетельскими показаниями Яблонски на суде. Цели убийства могли быть гораздо шире, глубже, страшнее. На порогах Джозефа Роу, юрист, который лично предупредил министра труда о возможном покушении на Яблонски, беседовал с каждым из двадцати шахтеров, подписавших заявление в суд.

Роу подошел к Элмеру Брауну и спросил: — собираетесь ли Браун продолжать борьбу с профсоюзами и угольными магнатами?

Браун живет в Делбартоне, в южной части Западной Вирджинии. У него жена и одиннадцать детей; он устал, работы нет, болезнь легких прогрессирует. После того как Яблонски был убит, кто-то звонил Брауну и угрожал расправой.

У него не было бы колебаний, но теперь, когда они начали убивать жен и детей... Элмер Браун стоял в нерешительности. Наконец он кивнул. Он все-таки пойдет дальше.

Но другие? С них хватит. Карл Кафтон из Камерона (Западная Вирджиния) растолкал толпу, подошел к Роу.

— Мистер Роу, — голос Кафтона звучал почти зло, — насчет этого судебного дела. Я ничего больше не хочу знать о нем. Понятно? Ничего.

Карл Кафтон испуган. Он сказал, что уезжает из Камерона. Роу перечеркнул фамилию Кафтона жирной чертой.

Амарон Пилдгриния — еще один из тех одиннадцати. Его жена покончила с собой. Его же покончили два дня назад и грозили убить. Роу не удалось разыскать Амарона на похоронах Джозефа.

Появились новые измерения страха и террора, — сказал доктор Уэллс. — За себя люди не боятся. Этот страх они преодолели давно, иначе они не оставались бы в шахтах, но они боятся за жен и детей.

— А сами вы как? — Мне страшно. Впервые с тех пор, как мы начали. Страшно потому, что я вижу — даже Элмер Браун испуган. А то, что может испугать Брауна, уж подавно испугает меня.

И Кену Хеклеру, конгрессмену, страшно. Он выглядел усталым, изможденным и постаревшим.

— Оставь это, Кен, — сказал кто-то. — Позаботься о себе.

Хеклер горько усмехнулся.

— Бойсь, кое-что позаботится обо мне раньше... Возвращаясь в Моргантаун, доктор Уэллс говорил о всевластии Боула и его людей.

— Они уверены, что мо-

гут сделать все, что захотят, что могут купить кого угодно, что они сильнее тех людей, которых должны представлять, сильнее, чем само правительство...

Он взглянул на серое небо, на заснеженные холмы. — Безразличное правительство позволило этому случиться... Не думаю, что убийцы найдут. Если не найдут — люди будут бояться за свои семьи.

Доктор Уэллс покачал головой.

— Ничто другое нас бы не остановило...

И все же доктор Уэллс оказался не совсем прав. Через шестьдесят дней после того, как были обнаружены трупы Джозефа Яблонски, его жены и дочери, в газетах появилось сообщение об аресте трех человек. Однако преступников нашли отнюдь не благодаря ФБР или полиции. Горняки иронично заключают в том, что ключ к поиску наемных убийц дал агент ФБР не кто иной, как сам Джозеф Яблонски. Еще осенью прошлого года, остергайся покушения и видя безразличие властей, он стал записывать номера подорванных автомобилей. Так, в ноябре он сообщил шерифу об автомашине с номером штата Теннесси, которая несколько раз появлялась около его дома. Этот номер и привел к аресту наемных убийц — трех мужчин в возрасте от 23 до 36 лет с уголовным прошлым.

По сведениям, просочившимся из полиции в печать, эти трое получили за убийство крупную сумму. Но тайной, несомненно, остаются — от кого.

Рассказывая об убийстве Яблонски, многие американские газеты пишут о традиционной «привычке к насилию» в шахтерских районах Аппалачей. Насилие означает, что ли не особ чертой шахтерского быта, шахтерского характера. А на самом деле?

1891 год. Стачка 20 тысяч шахтеров угольных копей под Питтсбургом. Мирные колонны демонстрантов под звуки оркестра входят в маленький городок

графства Уэстморленд. Их встречают пулями наемных убийц, нанятые шахтоладельцем. 17 убитых, десятки раненых.

1914 год. Стачка на железорудных копях Колорадо. Палаточный городок, где жили стачечники и их семьи, истреблен пулями и подожжен убийцами, нанятыми «Стандард ойл компани». Среди стачечников и убитых — две женщины, одиннадцать детей. Джон Рокфеллер, отец нынешнего губернатора штата Нью-Йорк, послал поздравительную телеграмму представителю компании в Колорадо: «Сердечные поздравления... Искренне одобряю все ваши действия».

Чуть позже в Пенсильвании шахтеры стреляли в убийц, нанятых другим угольным магнатом — Меллоном. Отвечая в марте двадцать третьего года на вопрос судьи, как он относится к тому, что его администрация держит на шахтах пулеметы, Ричард Меллон сказал: «Это необходимо. Нельзя управлять без пулеметов».

Выстрелами были подавлены стачки 1931 года в графстве Харлан (штат Кентукки). Среди убитых — лидер молодежной коммунистической организации Гарри Скэм. Выстрелы звучали в восточном Кентукки и в начале 1980 года. Старый американский коммунист Арт Шилдс пишет в «Дейли уорлд»: «Ружейный огонь всегда был ответом угольных баронов тем рабочим лидерам, которых они не могли подкупить».

«Убийцами в хорошо отутюженных костюмах» называет современных угольных баронов доктор Бафф, один из сподвижников Яблонски. И так, истинные виновники расправ и насилия — угольные магнаты, «его величество капитал». Их имена, конечно, не будут произнесены в суде.

Но страх не вселен, и место погибшего Джозефа Яблонски займут новые борцы, и они поведут за собой шахтеров.

НЬЮ-ЙОРК, январь

разить. Я считаю, что писатель или журналист должен работать где угодно. Если у него возник замысел, он должен уметь реализовать его в мучающейся после набавке или номере отела. Тем не менее жить здесь приятно. Эту виллу я купил вскоре после своего бегства из Германии. Правда, во время войны я жил в Соединенных Штатах, потому что даже в нейтральной Швейцарии тогда было небезопасно. Известно ведь намерение Гитлера оккупировать эту прекрасную страну. В Порто Ронко я возвратился только в сорок восьмом году и с того времени живу здесь постоянно. Однако было такое время, когда и тут я не чувствовал себя совершенно свободным. Я не мог нигде выезжать без разрешения — нацисты отбирали у меня паспорт, и я жил изгнанным. Знаете, не очень-то легко жить без паспорта. Позже я получил американский паспорт. Должен вам, однако, сказать, что по сей день я чувствую искреннюю признательность к Чехословакии, которая была первой страной, предложившей мне гражданство после того, как я покинул Германию. Тогда

я не принял чехословацкого подданства, потому что наступил и я предчувствовал, что жить в непосредственной близости с Германией для меня опасно.

Мы спросили также о книгах, написанных мною здесь. Насколько помню, их всего три. В том числе «Три товарища».

— Почему вы никогда не посетите Чехословакию, раз вы так тепло к ней относитесь?

— С удовольствием побывал бы у вас. Возможно, мне еще это удастся. Мой друг Рихард Кац часто рассказывал мне о столичной Праге. Эмиль Людвиг, мой бывший сосед по Порто Ронко, не раз говорил мне: кто не видел Праги, тот не знает, что такое красота. Мне очень привлекает возможность побывать у вас, но в настоящее время из-за болезни я не отваживаюсь уезжать отсюда. Сердце пошаливает — у меня уже было пять инфарктов. Однако я не теряю надежды, что еще побываю в вашей стране. Ведь мне только семьдесят один!

— И нам было бы очень приятно приветствовать вас у себя. Вас очень любят читатели Чехословакии. У нас

ваша книга встречается с большим интересом, их раскупают сразу после выхода в свет. Знаете ли вы, господин Ремарк, на скольких языках вышли ваши книги?

— Я не имею ни малейшего представления, на каких языках и сколько издано моих книг. Только что, на прошлой неделе, мною получен экземпляр романа «На западном фронте без перемен» в переводе на вьетнамский язык. Сам я свои книги не собираю. Будучи человеком суверенным, считаю, что писатель, который коллекционирует свои произведения, деградирует, слава слишком кружит ему голову. Единственно, чем дорожу, — двухтомным изданием «На западном фронте без перемен» для слепых. Оба тома весят более семи килограммов.

— «Триумфальная арка» — моя самая любимая книга. Не могли бы рассказать, как возник у вас образ Равина и в связи с какими обстоятельствами была написана эта книга? Это было еще в Париже?

— Как вы попали в Соединенные Штаты?

— Это долгая история. В двадцать девятом году вышла моя первая антивоенная книга «На западном фронте без перемен». Я был тогда редактором «Sport im Bild». Незадолго до прихода к власти нацистов я оставил Германию, отчаявшись предчувствием, что придется не по вкусу новым хозяевам. Как уже говорил, я переселился в Швейцарию, сюда, в Порто Ронко. Но, к моему изумлению, нацисты в тридцать пятый год послали за мной своих эмиссаров с предложением самого Гитлера вернуться в рейх. Они требовали моего возвращения, потому что я был тогда, если не ошибаюсь, единственным эмигрировавшим писателем, который провозглашал. Они предложили мне довольно высокий пост в области культуры. Отвергнув все, я выехал в Париж, где жили мои друзья. За несколько дней до вторжения немцев во Францию я был в Актёбе, курортном городке, где встретился со своим добрым

знакомым, послом Кеннеди, отцом убитого президента. Кеннеди предупредил меня о неизбежности немецкого вторжения и рекомендовал уехать за океан. Он изложил готовность немедленно снабдить меня американской визой. После долгих размышлений я принял его предложение. В ту пору, однако, все корабли, идущие в Америку, были уже переполнены беженцами из разных стран Европы. Но, к счастью, за два дня до вторжения немцев мне удалось достать билет на пароход американской компании «Юнайтед лайнс», возвращавший кем-то в нас в последний момент. Так я оказался в США.

— Там, как известно, вы познакомились с актрисой Пола Голд, которая впоследствии стала вашей женой. Она помогает вам в вашей творческой работе?

— Да, там я познакомился со своей женой. Должен сказать, что Пола — образованная женщина для писателя. Когда мне нужен покой, она часами может сидеть в кресле и читать, на едином сло-

вом не отрывая меня от работы. И хотя мы вместе уже многие годы, между нами царит полное взаимопонимание, это — наилучший дар для меня.

— Теперь мне бы хотелось на минутку отвлечься от беседы о ваших книгах. Во всем мире вы известны как убежденный антифашист и антиимпериалист, и мне бы хотелось поинтересоваться вашим мнением о нацистской партии НДП в Западной Германии. Как вы считаете, может ли в будущем фон Гаден и его партия оказать заметное влияние на политику ФРГ?

— Сегодня мир принадлежит молодежи, у которой нет ни малейшего желания участвовать в каких бы то ни было военных авантюрах. Молодежь сумеет обуздать тех, кто заинтересован в развязывании новых конфликтов. С молодежью нельзя не считаться. Это должен сознавать каждый политик. Что касается фон Гадена и ему подобных, то я считаю их идиотами и «неумными войнами». Если они вновь начнут поды-

мать головы, во мне они всегда найдут непримиримого противника.

— Последний вопрос, касающийся вашего творчества. Работаете ли вы в настоящее время над какой-нибудь книгой? Если да, то нашим читателям было бы очень интересно услышать, на какую тему.

— Да, я работаю сейчас над новой книгой. Не сердитесь на меня, если я вам ничего о ней не скажу. Знаете, я человек суверенный и потому боюсь раскрывать свой творческий замысел. Не в моей привычке говорить о своих рукописях.

Мы покидаем Эриха Марию Ремарка со словами благодарности и пожеланиями успехов в творческой работе. Наша цель — побеседовать с человеком, чья книга «На западном фронте без перемен» начиная с 1929 года вышла, пожалуй, наибольшим тиражом в мире, — достигнута. За последние десять лет писатель второй раз принял журналистов.

Иржи САМО

ТИР «КЛУБА ДС»

МИХАИЛ ВИККЕРС

ЖАЖДА

В ОТДЕЛЕНИИ милиции Женю считали лицом без определенных занятий. Это было правдиво. У него было определенное занятие. Он пил. И в своем занятии он достиг определенных высот. К своему тридцатилетнему юбилею он пропил все. Пропил службу. Пропил диплом техника. Пропил вещи жены. Пропил свои вещи...

Дело в том, что пропить вещей — довольно сложная процедура. Вещи нужно предварительно отвести в ломбард или скупку. Получить за них деньги. Деньги принести в магазин «Вино — вода». И дальше — как обычно. У нас в районе пошли на упрощение. Вещи можно было попросту несправлять в ломбард. Там стоял ли на этом свете жить?

У него самого было много вещей. Это, конечно, превеличало, но зато в остальных все правила и ограничения соблюдались. Нельзя было пропивать вещи до десяти часов утра. Запрещалось пропивать их группами по трое. Категорически запрещалось пропивать вещи непосредственно у продавца. Полагалось вынести бытницу за угол, к парадному, что возле детского садика, сгруппироваться по трое, а там уже — как обычно...

Однажды, без четверти десять Женю с ушами обнаружил, что у него нет никаких вещей. Ни своих, ни чужих. Он побегал в магазин и стал в очередь. Как обычно. — Чего принесли? — спросила продавщица Дуся. Дуся называлась продавщицей в силу традиции. В старину кабатчики продавали крест на том, что будут торговать водкой честно и без нарушения. Обычай пропал, а название кое-где сохранилось.

— Чего принесли? — спросила Дуся. — Совестно... — помаявшись, пробормотал Женю. — Показывай... — сказала Дуся.

Женю вынул из-за пазухи свою совесть. — Тафу! — в сердцах крикнула Дуся. — Раз и это совесть!

И действительно, совесть была омерзительная и совершенно потеряла товарный вид. Жалкая, сморщенная, грязная, рваная по краям и прохудившаяся в центре, все покрытая какими-то ржавыми и темными пятнами...

— Тафу, раз и это совесть! — крикнула Дуся. И она выхватила из-под прилавка свою совесть, крепкую, добротную, блестящую, как начищенный медный сапог. Совесть была целая, только у подошвы совершенно незаметная дырочка, маленькая-маленькая, ну, такая что, пожалуй, металлический рубль прокатится, но, от силы две-три недели. Женю отошел от прилавка и пошел к выходу.

Но он унывал недолго. В его сознании, замутненном первым алкоголем существовал один неизбывный принцип. Женю твердо знал, что ашанский район от голода не умирает. И, увы, от жажды — тоже.

БУМАГА ТЕРНИТ

Новые афоризмы Евг. Сазонова

● Когда человек не хочет врать больше того, что знает, это страшно.

● Если делается стыдно за свои прошлые поступки, значит, ты идешь вперед.

● Кто много говорит, тот часто повторяется.

● Кто дает много клятв, много их и нарушает.

● Коль перестал любить и ненавидеть, там стоит ли на этом свете жить?

● У него слишком много сны, у того бедно внутри.

● Надо пропустить через себя очень много чужого, чтобы хоть немного появилось своего.

● Лучше жить задним умом, да своим, чем прозорливым да чужим.

● Язык женщины лжет, но душа говорит правду.

● Возле чужих жен молодцом, около своей — старцем.

● Луманство женское — врожденная черта.

● Научное желание быть вместе — первый признак чистой любви.

● Прежде чем думать о жизни вдвоем, научись жить одним.

● Он не разлюбил всерьез, потому что она его любила шутя.

● Жена (похмельная с мушкетерами).

● «И взгляды общие, и интересы одинаковы, а семейная жизнь не клеится».

● У нас никуда тонна похмелья не поедет.

● Связь — это не то, что шлагбаум.

● Сейчас никогда не менять шлагбаум, — ответил похмельный.

САЗОНОВ — ПЛАГИАТОР?

(В СВЯЗИ С ПУБЛИКАЦИЕЙ АФОРИЗМОВ ЕВГ. САЗОНОВА)

В ЭТОМ выпуске «Клуба ДС» опубликованы «Новые афоризмы» Евгения Сазонова. Они уже вызвали бурю.

Читатели М. Костемишкин из Ярославля, Л. Усачев из Хохломы, Ж.-Ж. Примуш из Крылатов, М. Ман из Саратова, А. Геростратчиков (Гусь-Жуковский) и другие обильно цитируют в плакатах и записках, что все афоризмы, которые Ева Сазонова приписывает себе, на самом деле принадлежат Николаю Бадухи.

В доказательство они приложили экземпляры изданных в 1969 году Верхне-Волжским книжным издательством Ярославля тиражом 10 тысяч экземпляров книги Николая Бадухи «В строку и между строками».

В аннотации к ней говорится: «В строку и между строками — это краткие, но яркие выражения, которые относятся к жанру сатиры. Сюжеты, как правило, являются выражением в устной форме мысли, они являются частью поэтического творчества писателя».

Правда, почему-то здесь не сказано о том, сколько было издано этой книги.

При проверке оказалось, что афоризмы Евгения Сазонова действительно в строку и между строками были в книге Николая Бадухи. Администрация была удивлена.

Принято решение указать на афоризмы в полном объеме сочинений Ева Сазонова на вилках.

НЕТ, Я НЕ ПЛАГИАТОР, Я ДРУГОЙ...

Как могло случиться, что Ева Сазонова под своим именем напечатала афоризмы, принадлежащие перу Николая Бадухи в опубликованной в книге последние «В строку и между строками»?

На вопрос администрации, известна ли ему такая книга, Ева Сазонова ответила, что такая книга ему известна и добавила:

— Я много читаю. «Когда человек не хочет врать больше того, что знает, это страшно».

— Опять вы цитируете Бадухи?

— Разве это Бадухи? — удивился Сазонов. — Значит, мы думаем с ним одинаково. Помолчал, он спохватился:

— Да, так что я хотел сказать? Я читаю. «Надо пропустить через себя очень много чужого, чтобы хоть немного появилось своего».

— Но в том, что напечатано, нет ничего своего...

— Мою — между строк, — многозначительно сказала он.

— И тем же местом читательница Усачева, видимо, права, обвиняя вас в плагиате?

— Язык женщины лжет, но душа говорит правду, — ответила Сазонова. — «Лукавство женское» — врожденная черта, «Кто много говорит, тот часто повторяется», «Если делается стыдно за свои прошлые поступки, значит, ты идешь вперед».

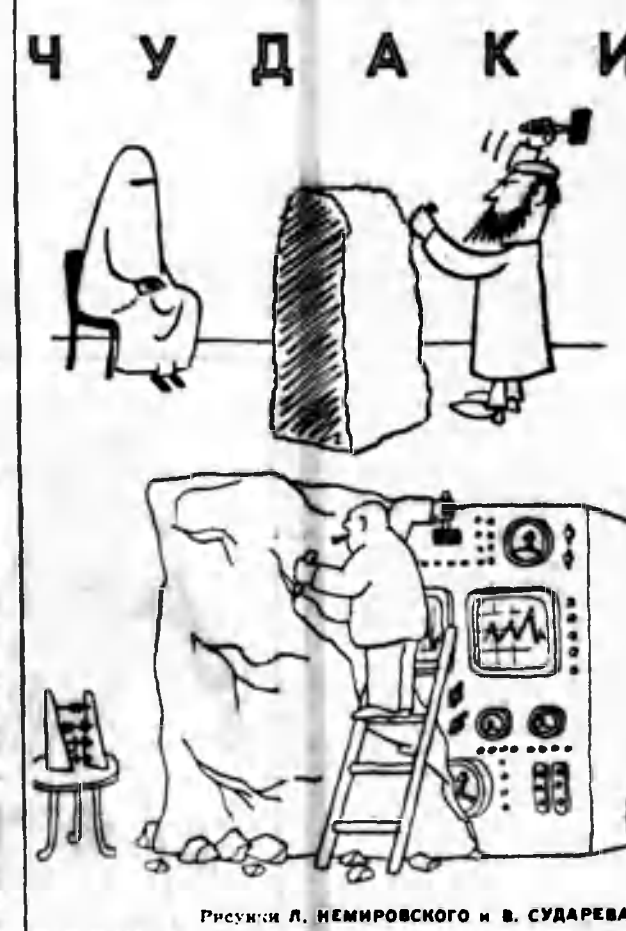
— А вам не стыдно, Евгений?

— Мне стыдно потому, что я вду вперед.

Обсуждая Евгения Сазонова, врач констатировала переломленный в шее, что, видимо, книга Николая Бадухи, изданная в Ярославле Верхне-Волжским книжным издательством, произвела на большого такое впечатление, что он никак не может избавиться от бадухиных афоризмов. Она невольно прелюдует его. В медицине случаи таких заболеваний известны.

Евгению Сазонову временно запрещено читать некоторые книги.

ИЗ ЦИКЛА «С НАТУРЫ»

Рисунки Л. НЕМИРОВСКОГО и В. СУДАРЕВА

РИММА ХАЗАНОВА

ПОДРАЖАНИЯ

Георгий ВЛАДИМОВ

ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ И БОЛЕЕ ТОГО...

Кинтовался и не причале. Сразу зашелся в шпину и сел на спину. Кандид Васька вторые сутки уже давил, а мне не спалось...

— Прислушайся от крика стар-пома: «Подымай».

— Штырей, — говорит, — Сеник Засекавал, корень. А в такого спуска смайлик. Хочешь курить норвежского?

— Откалывай, узман, не нужно штырей, — страшил я.

— Ты погляди куря, казенные природу и более того.

— Ну ладно, старший, шиф.

— Говори я. — Надвигая куря.

Смайллик мы на коммуну СРП, в том бошман кантуется, штырей тракт. Достал он куря, блеск, зачавшаяся и е копил долой.

— Смайликот! — спрашиваю.

— Если нравятся, полторы.

— Товарищ бошман, вы большой ушачик!

— Не хочешь, привел капитану.

Отвалил полторы, взял куря, пошмандил в кубрик.

3. ПАПЕРНЫЙ

В ПОМОЩЬ СМЕЮЩИМСЯ

I. Пронскождение смеха

Зарождение смеха относится к первобытному обществу. В более поздние времена человеку было просто не до смеха. Любопытно, что первые шутки и остроты, зародившиеся в первобытную эпоху, успешно бытуют вплоть до нашего времени. Поэтому неправильно высмеивать анекдоты с бородой — именно в них проявляется связь времен и преемственность культуры.

II. Технологии смеха

Виднейшие дарингологи пришли к единодушному выводу, что преимущественной областью образования смеха является область уха, горла и носа, даже не столько уха и носа, сколько именно горла.

а если еще точнее — голосовых связок. Между двумя последними имеется щель, ритмически проталкивая воздух через которую мы и создаем то, что в быту называют смехом.

Стало быть, прежде чем смеяться, следует тщательно взвесить: а стоит ли это того, чтобы разогнать ритмически проталкивать воздух?

III. Смех и литература

Некоторые думают, что писатели являются на две категории: юмористы и неюмористы. Неверно. Все юмористы, только одни выделяют смех сознательно, другие — не догадываясь об этом.

На первый взгляд, пародия предполагает двух участников — пародируемого и пародирующего. Но порой мы являемся свидетелями отдельных случаев, когда сти-

руется грань между литературным произведением и пародией. Выходит, например, книга, на которую пародия никто не пишет, полагая, что она уже включает в себя пародию.

IV. Жизнь и шутка

Конечно, жизнь не шутка. Но шутка — это жизнь.

V. Юмор как жанр

Все литературные разбиты по жанрам. Если ты умеешь складывать стихи, — ты поэт. Если не умеешь, — прозаик. Если не умеешь ни того, ни другого, — критик. Если же тебе душно смех при мысли о том, другом и третьем, — ты юморист.

VI. Остроумная надпись

Один аспирант попросил академика Л. Ландау поста-

вить ему автограф на книге с остроумной надписью. Академик написал: «Аспиранту такому-то с остроумной надписью».

VII. Что читать о смехе

Существуют труды Берсона и Фрейда. Но к ним надо подходить строго критически, памятуя, что Берсон переложил в Бергонию, а Фрейд, к сожалению, так и не смог избежать Фрейда.

VIII. Выводы

Смех помогает нам не только жить и работать, но и пережить то, что не помогает нам работать и жить. Таким образом, дефицит смеха, его жизнеутверждающей функцией является: — Да здравствует все то, благодаря чему мы — несмотря ни на что!

Иван самодельствовует исследованием наших, а отчасти и зарубежных социологов, смех в повседневной жизни человека не только имеет значение, но и играет роль.

Вот почему назвала книга по смеху, если не настольная, то застольная. Введение с смеховедением.

Естественно, что автор нежно на претендует.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Адрес редакции: Москва К-51, Цветной бульвар, 35

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).

Редакционная коллегия: Ч. АЙМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ, [отв. секретарь], Г. ГУЛИЯ, Е. КРИВИКОВ [зам. главного редактора], Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, А. СМЕРНОВ-ЧЕРКЗОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ [первый зам. главного редактора], А. ТЕРТЕРЯН [зам. главного редактора], А. ХАКИМОВ.

ЧАЙХАНА «КЛУБА ДС»

МИР ПОВТОРЯЕТ ВСЕ! ЛИШЬ НАС НЕ ПОВТОРИТ...

ПЕРВОЕ, что вам покажут в Хиве, — это замечательный мавзолей Махмуда. Не удивительно: Махмуд-Патаван — единственный покровитель Хивы.

Сын скорняка, он ведал думами и бедами заданного гниотом простого люда.

Но настоящим призванием его была поэзия, и в ней он был мастером глубоким и оригинальным, по-своему продолжившим традиции учителя своего, Хайяма. Махмуд остался в памяти народа как мудрый и заступник. И несколько столетий спустя эту память в своих целях — на том месте, где, по преданию, был похоронен Махмуд, воздвигли пышный мавзолей, и его сделали местом поклонения, куда приносили дары все тот же простой люд... Стены мавзолея покрыли изнутри надписями на керамике. Надписи эти, во-

тора столетия выдававшиеся верующим за священные вяти корана, были на самом деле волюнтаристскими рубан Махмуда!

Только в 1959 году узбекский литературовед и писатель Тухтасин Джалалов обратил на эти надписи внимание и с удивлением обнаружил, что «каменный диван» этот никакого отношения к корану не имеет. Его усилиями были разысканы редчайшие рукописные списки Махмуда «сробиата», сохранившиеся в XIII веке, и, душена книжка рубан Махмуда на фарси и узбекском. Она тут же по выходе стала библиографической редкостью, невзирая на немалый тираж...

Русскому читателю большинство рубан Махмуда все еще неизвестно. Некоторые из них сегодня публикуются в переводах Александра Наумова.

РУБАИ

Сто раз в клетьку повторяю: ты — не человек, а животное!

Сто лет в темнице лучше протоскую, сто гор в домашней ступе растоплю.

Чем истину тупее растоплю.

Вина — виной: ей кара — искупление.

Несправедливость — горше преступление.

В своих запялах вор не виноват.

Чем зло пышней, тем мерзостней терпение.

К чему считать богатство высшим саном и день и ночь мечтать о том же самом! Лишь свави выделит тебе в конце.

И долго ли он прослужит, этот свави!

Неспешно жизнь прожить, иль вечно торопясь, хвост из шлеки шить, носить ли вечно бязь — на все ли равно!

Глушец — немолодого мудрым... Но горе чистому, затоптанному в грязь!

Гораздо больше в посылке Малю. Висеки в канун Нового года стоюте-таки сава в экспедицию районная дая, которая по своему объему на 230 кубометров больше малагского театра Ла Скала. Молодцы, маловысеченные!

● ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ В новом году, — являла нашему корреспонденту писатель Б. Колобова, — я вала написать небольшую повесть рубан на 300—350.

● ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ Интересный факт обнаружил сотрудник Исторического музея Ю. П. Кривежко, научившийся летосписи времен Петра Первого. Оказывается, в те времена москвичи начинали поить пачу на 15 октября, как обычно, а с наступлением холодов

Ляшь тот живет легко, кто мирится со всем и мимо зла, спешит, прохвост без упрека.

О, если хочешь стать и правду ладнотом, так будь слугой для всех! Стелись, ник след за шагом!

Чтоб стать короноко, носимой на чепе, Водю будь для рук и под ногой — прахом.

Порой кланусь: покочелю с любовью, с потерями, печалью и болью.

Но где-то мимо девушка пройдет — и на безумство вновь готовлюсь.

Кто мир мой души подымет из руин! Кто примет груз грехов и сделает своим!

Ко многим славным в паломничал могилам, Придет ли кто и мой, ответь, о Азраил!

Да, ночь беременна, но что она родит! Теченье времени во что нас превратит!

Что было до сих пор — мы знаем. Что же дальше! Мир повторяет все! Лишь нас не повторит...

ХРОНИКА «КЛУБА ДС»

ИЗ ЗАЛА — ТУДА...

В прошлом номере «ЛГ» на 18-й странице был опубликован рассказ Вал. Панкова «Задарма», в котором говорилось о том, что в один из прекрасных солнечных дней герой рассказа вместе со своим другом Колей выпили, вышли на улицу, где стали приставать к девушкам и нецензурно на них браниться. В ответ на это герой рассказа и его друг Коля стали грабить неизвестного гражданина и избивать последнего. И только благодаря решительному вмешательству дружинок хулиганов и грабителей были задержаны и доставлены в отделение милиции, по-

сле чего они получили по 15 суток.

Кем только номер газеты вышел в свет, в «Клуб ДС» позвонил кандидат юридических наук Р. Демидов и заявил, что за преступление, совершенное героями рассказа и его другом Колей, следует давать не 15 суток, а семь лет лишения свободы.

Администрация «Клуба ДС» рассмотрела дело по обвинению героя рассказа и его друга Колю и отменила решение суда как слишком мягкое. Администрация приговорила героя рассказа и его друга Колю на основании ст. 143 ч. 2 и 208 ч. 2 УК РСФСР в пяти годах лишения свободы каждого.

Приговор приведен в исполнение.

ФОТО-АТЕЛЬЕ

Что бы это значило? Фото А. ШПАКОВА (Ростовская обл.)

Первым прислал свою подпись постоянный подписчик Х. Иванов из г. Чугуева: «А нам все равно». Администрация не может не отметить удивительного — постоянства этого корреспондента, уже третий раз подряд приславшего эту подпись под работами «Фотоателье».

Омич Л. Ромешко ассоциирует фотографию с «Парным натанем», а Х. Остроумов из Харькова дал подписку: «Нажил своим горбом». Л. Спасский из Волгограда: «Много песен про «Волгу» пропело, но еще не сложили такой...»

Много ответов разработать тему любви и дружбы: «Внеши они ничем не выдавали своей приваженности» (В. Степанов из Пермь). «Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра» (Ю. Новос из Смоленск). «Первый

опыт электронной «свадьбы» (З. Мельшикевич из Красногорск). «Знает только ночь темная, как поладилы они» (Е. Леонидов из Клина). «Он был титулярный советник, она — генеральская дочь» (М. Иванов из Рязани).

Администрация с сожалением отмечает, что две трети из четырех тысяч присланных подписок были типа: «А оленя лущу» и «В ожидании третьем». Итак, предлагаем новую работу «Фотоателье».